

ОЛЕГ
ШЕВЧЕНКО

КОШМАР НА УЛИЦЕ МУДРОЛОГОВ

Как-то раз преподаватель философии задумался: «А что такое философия?». И он попытался рассказать о философской жизни в философском коллективе с точки зрения профессионального преподавателя философии. Автор попробовал создать свои 99 франков для философского мира.

Книга получилась в стиле «Философской беллетристики», ближайшими аналогами которой выступают «Философы с Большой дороги», «Зияющие высоты» и «Приглашение на казнь». Сочетая элементы публицистики и юмористической фантастики, автор создает удивительный мир абсурда из тринадцати новелл и шести отрывков романа, которые искренны в своем желании стать реальностью. Той самой реальностью, которую многие из нас наблюдают ежедневно и стремятся записать ее в реестр абсурдного и невозможного. Одним словом, эта повесть об интеллектуалах и мудрецах, которых нет, но которые обязаны быть, и в силу этого они, конечно же, существуют, но где-то там, в мирах Гело Шеудженико.

ВВЕДЕНИЕ

«Будущее уже не то, что раньше».

Поль Валери

Я снова в Париже и должен решать вопросы с департаментом философии относительно публикации моей книжки (не за свой же счет ее издавать!). И еще, сидя в приемной, я думаю, думаю, думаю... *думаю*, что очень легко писать о том, чего не знаешь, и гораздо труднее писать о том, что знаешь. В первом случае можно придумать, нафантазировать и очень трудно солгать. Ведь ложь — это осознанное искажение правды. А если ты говоришь о том, чего не знаешь, то ведь так и правду можешь сгоряча ляпнуть. Красота, одним словом. А вот если ты что-то знаешь, тут все намного хуже. Врать — очень нехорошо. И любой литератор вынужден не просто писать, но еще и мыслить, или вот, как я сейчас — *думать*, анализировать, нравственно страдать... ужас, не правда ли?

Мне в этом отношении гораздо проще. Я написал о предмете сомнительной реальности, а, следовательно, имеющей статус безусловной истинности. Я имею в виду философию моего замечательного друга, родом из небольшого селища на границе Франции и Швейцарии. Внешне мой друг очень походит на бывшего грузинского президента Саакашвили, но считает себя истинным парижанином. Он любит вино, но встречая меня в аэропорту Орли, может выпить и пива. Он большой оригинал мой французский знакомый Гело Шеудженико. Считает себя простецом, но при этом говорит такие сложные вещи, что окружающие твердят о его мудрости.

Он создал свою уникальную систему философии, которая заключается в умении минимальными знаниями творить максимальные открытия. Ибо, если человек знает много всего, то он неизбежно перегружен знаниями того, что сделать невозможно. А Гело, отказываясь от знаний, не имея представления, что нечто в философии — невозможно, начинает действовать и выходит из сферы обыденности в царство шедевральности и уникальности.

Книжка, которую отклонило уже шесть парижских издательств и, наверное, отклонит сам Департамент философии, это резюме наших бесед за бутылочкой вина и кусочками Донаблу (впрочем, иногда, и за бочонком пива — тогда вместо сыра на столе были противные консервированные кальмары). Кстати, я не знаю кто такой Гело Шеудженико. Правда. Я знаю, как он выглядит, чем закусывает, я даже знаю, где он живет в Париже. Но кто он такой — могу только догадываться. Видимо он знает науку, когда-то знал философию, возможно, был преподавателем. В наших беседах проскальзывало что-то эдакое, иногда Сорбоновское, иногда в стиле интеллектуалов из Колледж де Франс.

Как-то я предложил ему совместно написать книжку о французской философии сегодня. У нас была масса бесед, споров и юмористических наблюдений по этому поводу. Мы много говорили, смеялись, иногда даже плакали, всхлипывая от абсурдности реальности. Все наши диалоги просто-напросто просились на книжные страницы, и я ляпнул: «Давай напишем книгу». Гело царственно махнул рукой (сметая стакан с «Бургундским»): пиши, мол. Но тут же, прищурившись, сказал: «Пиши наши диалоги от одного лица. Сделай кружева наших слов так, чтобы твои выводы и вопросы, мои сентенции и поэзия переплелись в один текст. Пиши так, чтобы потом, уже ни ты, ни я не смогли понять, что

родилось в голове у тебя — русского, а что у меня — француза. Пиши так, чтобы никто из нас не смог обвинить друг друга в плагиате, пиши о французской реальности русскими шуточками, возводи русскую реальность в парижском антураже и мистицизме. Пиши так, как будто я дал свои мысли тебе на воспитание, а ты свой текст передал мне, дабы я его посвятил в Книгу. Напишешь текст — вышли мне. Я его *от мордую*. А потом ты его опубликуешь от своего имени, но с указанием и на мой вклад». Очень мой друг Гело не любил интеллектуальную собственность. И частенько бурчал по этому поводу: «Некоторые говорят плагиат, а я отвечаю — традиция».

Два года работы в двух французских полузакрытых учебных заведениях: один на юге Франции в окружении гор и моря, другой в предместьях Парижа. Два года в окружении философии, студентов и коллег по Высшим школам. Но это мелочи. Главное, что два года я пилил и ваял наши разговоры, лепя текст по принципам, изложенным моим другом. Получившийся ком я передал Гело в его любимом Париже. (Бррррр, ненавижу консервированные кальмары). Спустя два месяца он прислал текст, который я не узнал. Текст был как бы моим, но все-таки другим. В нем моя галактика смыслов слилась с галактикой Гело, образовав причудливое пространство знаков и образов.

Отчего я говорю о Гело в прошедшем времени? Так ведь наше общение это факт прошлого. А о чем он будет говорить или думать сейчас — для меня загадка (да и для него, полагаю, тоже). И уж тем более негоже говорить о Шеудженико в будущем времени, ведь будущего *еще* нет, а Гело *уже* есть. Но есть не как реальность сиюминутная, а как отлитое в слиток прошлое. Не ясно? Да что Вы! Ведь книга хоть чуть-чуть похожа на слиток? Похожа. А значит, она слиток и есть! Но книга посвящена разговором из прошлого. Вот и выходит, что Гело это мое прошлое. Или я не прав?

Париж-Ялта-Евпатория 2012–2018.

ВЛАДЫКИ ЗАПЯТУЛЕК: Запятенок [1]

«Смысл предложения это строгое количественное соотношение между изложенными в нем знаками препинания».

Мансур ибн Шудин

— Ольежь[2]! Мы ждем от Вас не только блистательных лекций, но и текстов. В конце концов, помните, что Ваша зарплата зависит от высоты стопки исписанных вами страниц.

— Но месье, сейчас ведь уже не пишут тексты, а печатают!

— Значит от количества клавиш, на которые Вы сумели клацнуть ноготками ваших пальцев, выдавливая свои мысли на мерцающий монитор того уродца, который вы гордо именуете планшет. Не занимайтесь демагогией, а пишите, пишите и обрящете свои евро.

— Месье, но я пишу.

— Лекции?

— Нет.

— Статьи?

— Нет.

— Рекомендации по чтению литературы, которую необходимо изучить для сдачи вашего учебного предмета?

— Нет. Я пишу книгу.

— Превосходно! Это научный трактат?

— Нет.

— Это солидная монография?

— Нет.

— Это сборник статей?

— Нет. Это даже не сборник лекций и методических советов.

— Но, позвольте, что же это такое?

— Я не сказал, месье? Это книга.

— Книга?

— Именно так, месье.

— Но этого вида работы нет в нашем регламенте вознаграждения сотрудников за научную деятельность!

— Мне очень жаль.

— Нет, это мне очень жаль, но нам, вероятно, предстоит расстаться с Вами.

— Из-за того, что я пишу Книгу?

— Нет. Из-за того, что вы не пишете то, что дает статус нашему научно-образовательному заведению, что поднимает его рейтинг в глазах наших спонсоров, что позволяет претендовать на гранты.

— Но что же мне делать месье?

— Пишите методические советы по этапам получения гранта от международной организации.

— Но я же никогда не получал таких грантов и никогда не имел с ними дела.

— Ну и что? Вы, главное, напишите. Мы найдем рецензентов и опубликуем. И вставим эту книгу в отчет об освоенных нами средствах, выделенных попечительским советом Института на повышение конкурентоспособности наших выпускников. А *вашу книгу* пишите в свободное от научных занятий время. Вы ведь, в первую очередь, преподаватель философии, а не, не... эээ... Ну Вы, думаю, вполне поняли меня. Не так ли, месье Ольежь?

— Да, месье. Конечно, месье. Я все сделаю, месье.

— И еще, Ольежь. Ваш французский слишком не совершенен. Вы ведь прекрасно говорите по-испански?

— Да, месье. Еще я владею английским, русским и украинским языками. Читаю на белорусском, сербском, болгарском, польском.

— Мы это ценим. Ваши курсы по Латинской Америке — превосходны, а лекции по сравнительной славянской антропологии — бесподобны. Но право же, Ваш французский слишком слаб.

— Я работаю над этим.

— Я надеюсь, что так. Вы свободны.

— До свиданья, месье.

Из пригорода Парижа, где на довольно обширной частной территории располагается наш институт, я решил отправиться в небольшое кафе Le Petit Poucet на улице Био, что недалеко от бульвара Бутиньоль. Утиная печень с айвой — это тот материальный стимул, который всегда отвращал меня от мрачных мыслей рутинной философии и неведомыми путями направлял мою душу к творчеству. А лучшая утиная печень с айвой, это, конечно же, Le Petit Poucet. В заведении я выбрал свой любимый столик и помимо утиной печени наглотал заказав весьма непопулярную в этом рае мороженого с кальвадосом — чашечку крепчайшего кофе. Было весьма странное ощущение, что разговор с месье Франсуа Эмоном, заместителем директора Института, все время неустанно продолжает кружиться в моем сознании. Эта стало настолько невыносимым, что я отработанным воровским движением стянул салфетки и быстро написал на них наш диалог.

— Простите, — молодящийся крашеный блондин лет 50-ти виновато улыбался, стоя у меня за плечом, — меня зовут Луи Ришар и я хотел бы сказать, что Вы пропустили несколько запятых в своем прेमиллом диалоге для, надо понимать, весьма фривольненькой пьески.

— А Вам какое дело, месье?

— О! Это профессиональное. Вы позволите? — мягко проговорил Луи, присаживаясь за мой столик. — Дело в том, что я редактор издательства «Пари», с одной стороны, и почетный президент одного весьма забавного клуба, связанного с творчеством, с другой стороны.

— Да? А мне какое дело до этого, месье?

— Мы хотели бы пригласить Вас поработать над *книгой*. Вернее, над нашей книгой. А если быть совсем точным, над книгой, которая, вне сомнения будет, если уже сейчас частично является Вашей *книгой*.

У меня пересохло во рту, и я внутренне напрягся. За словами крашеного редактора крылась какая-то реальность, которая ускользала от меня. Ведь я действительно писал книгу. Свою первую книгу. А посему знал очень точно, когда и с кем я ее обсуждал. Так вот, никогда и ни с кем я ее не обсуждал, а лишь упомянул в разговоре с месье Франсуа Эмоном

пару часов назад, и... я облегченно вздохнул, упомянул в общении с салфеткой, с которой этот тип и выудил свою информацию.

— Мне это не интересно.

— 50 тысяч евро.

— Нет.

— Это карманные деньги. Плюс 200 тысяч евро гонорара.

— Это попахивает мошенничеством.

— Официальное оформление наших отношений. 50 тысяч евро на карманные расходы сразу после подписания договора и в присутствии нотариуса.

— Но я обычный преподаватель в не самом престижном вузе.

— Это ваше достоинство. Для нас достоинство.

— И в чем же подвох?

— Вы должны написать роман о запятых, точках, тире, двоеточиях, восклицаниях и так далее. Одним словом, о знаках препинания.

— Вы серьезно?

— Абсолютно. Причем роман должен быть философским, а отчасти и социологическим. Но при этом он должен быть, безусловно, антропологическим.

— Подождите, вы же сказали книгу, а теперь вот роман.

— Книгу и должны. А уж как ее оболгать: роман, пьеса, повесть — дело ваше.

— И за это вы платите 250 тыс. евро?

— Да.

— А если я возьму 50 тыс. евро и ничего не напишу?

— Это исключено!

— Почему?

— Потому.

— ?

— Потому что я готов рискнуть деньгами, Вы разве против?

— Да, против.

— Но против чего?

— Я пишу книгу о философах и философии.

— И что же?

— Вопросы с запятыми несколько далеки от философии.

— Это вы так решили?

— Но это же очевидно.

— Как знаете. Вот моя визитка. Если передумаете — звоните.

Почетный президент какого-то там любопытного клуба, молча, встал и ушел из кафе, а я только сейчас заметил, что уже доел свою печень, не тронув айвы. Странно, не правда ли?

Спустя примерно полгода и два одобренных Франсуа Эмоном текста, которые абсолютно соответствовали регламенту вуза, я подал в независимое издательство «Бордо» окончательный текст моей *книги*. Это был шедевр далекий от унылых шаманских завываний лекционного официоза прекрасно оплаченных Вузом. Это был текст, близкий к гениальности. Не в том смысле, что он слегка не дотягивал до гениальности, а в том смысле, что он слегка возвышался над гениальностью. Я написал книгу, в которой читатель был полноценным соавтором. Не декларировался, как у моего друга Умберто, а действительно им являлся.

Книга состояла из описания одного года жизни преподавателя философии в двух французских институтах. Этот год был представлен в тринадцати смальтах, кратких клипов, вырванных из времени и пространства событий. Точно так же, как наша память расчленяет прошлое на фрагменты, уверяя нас, что это прошлое последовательно и непрерывно. Точно так же, как наше «Я» покорно придумывает связи между кусочками нашей памяти, читатель может, да что там может, просто вынужден до придумывать связи между тринадцатью клипами. В итоге каждый читатель творит собственную вселенную смыслов, где основой выступает 13 смыслов автора и пара сотен тысяч знаков пунктуации. Это абсолютный апофеоз беспочвенности философской реальности Постмодерна. Я выставил отрывки книги на своем сайте, открыв свободный доступ всем жителям Всемирной паутины. Самыми въедливыми читателями оказались: глава профсоюза студентов нашего вуза, поэт из Тулона и глава сейсмогеологической миссии на склонах французских Пиреней.

Коллеги жали мои руки, улыбались и смотрели тоскливыми завистливыми глазами мне в переносицу. Студенты мгновенно разнесли книгу на цитаты и организовали несколько фан-клубов, которые вступили в ожесточенную полемику по поводу изложенных мыслей и хода, так сказать, повествования. Несколько известных литераторов, которым я отправил отрывки книги, как мне стало достоверно известно, восприняли их агрессивно скандально: «Какой-то преподаватель, какой-то там философии и вдруг *такой* текст!». Мне грезилась нобелевская премия по литературе. Получив ответ из издательства, я чуть не схватил инсульт.

Основная идея ответа состояла в следующем: книга далека от норм литературного французского языка, автор продемонстрировал глубочайшее невежество в пунктуации и просто невежество в орфографии. Текст отправлен на доработку автору. Причем слово автор везде было взято в кавычки. Ну, не свинство ли! При этом редакция «Бордо» отметила вершины моего невежества на первых восьми страницах рукописи, найдя там три пунктуационные и две орфографические ошибки. А мои авторские находки были признаны стилистическими ошибками, коих насчитывалось, аж, три штуки.

Что делать. Я отдал рукопись профессиональному корректору и тот привел ее в порядок. Я, скрепя сердце, пошел на этот шаг, пожертвовав канону литературного французского языка, авторское видение знаков препинания, но так и не разрешил трогать стилистику. Старик корректор, который, вероятно правил тексты еще Огюсту Конту, только покачал головой и удвоил гонорар. Но и после того, как пунктуация и орфография стали образцово-показательными, «Бордо», придравшись к стилистике и «странному подбору шрифтов», отказало в печати. Спустя полгода последовательно шесть издательств отклонило мою рукопись по схожим причинам. Причем то, что не нравилось, или считалось ошибочным в одном издательстве, вполне проходило в другом, а ошибки, выправленные по рекомендации третьего издательства, считались «грубейшим нарушением правил пунктуации» в четвертом. Улыбки коллег становились все шире и насмешливей, а глаза все теплей и ласково сочувственней. Студенческие фан-клубы рассеялись как дым, а известные литераторы стали хранить глубочайшее молчание. По ночам мне стали сниться старики с крашеными волосами и непременно в антураже с утиной печёнкой и обязательно без айвы.

Конечно же, я не позвонил Луи Ришару. Ведь он позвонил мне сам.

— Это Луи Ришар... Вы убедились?

— В чем?

— В большой философичности знаков препинания?

— Нет.

— Вы хотите дополнительных подтверждений?

— Как вам это удалось?

— Никак. Не стоит придавать значение усилиям другого, в то время, как все лавры принадлежат только вам. Это вы добились.

— Чего?

— Гениальности.

— Бред.

— Шесть раз подряд? Помилуйте, это факт.

— Факт Чего?

— Высокого статуса Вашего дарования. Высокого статуса обладателя и собственника смысла, что неизбежно влечет падение статуса «грамотного человека».

— Это шутка?

— Это программный лозунг моего издательства и главный интерес нашего клуба.

— Какого клуба?

— Нашего.

— Я что один из его членов?

— Вне сомнения. Просто наши отношения еще не оформлены, как следует, но по факту они состоялись.

— И как же называется этот клуб?

— Клуб почетных запятуль.

— А я?

— А вы в самом начале пути. Вы любитель, аматор. Одним словом, запятенек. Впрочем, об этом потом. Вы согласны написать книгу на известный Вам сюжет?

— И проблемы с издательствами будут решены?

— Это ваше дело.

— А если я скомбинирую ваши требования с моим текстом книги?

— Я же сказал, это ваша книга, ваш сюжет, меня интересует философия, социология и антропология запятых.

— Даже если я не буду говорить о них прямо, а сделаю неизбежным героем каждой главы в качестве скрытых пружин смысла?

— Это ваше дело.

— Встречаемся у нотариуса по улице Рошан.

— Я знаю, где это. До встречи.

Первым результатом столь немислимого контракта, стало историко-политическое введение с элементами социологии, философии и сравнительной антропологии, которое в насмешливой форме мне продиктовала Виктория, резюмируя итоги моей эпопеи с книгой.

Г

еометрические параметры ее величества "Запятой" разделили членов некогда тайного, а ныне общеобязательного для всех образованных граждан общества "Запятулек" на два противоборствующих лагеря. Одни на полном серьезе утверждали, что хвостик этого величайшего знака препинания должен соответствовать 1 мм, другие, с невероятным упорством, пытались удлинить его до 2 мм. Разногласие в столь важном вопросе практически сводило к нулю деятельность общества, в котором хвостик запятой стал

краеугольным камнем.

Мне показалась мысль забавной, и я сделал ее эпитафией заказанной мне книги.

Впрочем, как я рассудил, никто не отменял работы преподавателя и связанных с ней проблем пунктуационно-антропологического характера. Вернее, антропологического характера в обрамлении пунктуации, которые я вставил в уже оплаченный мне продукт.

[1] Однажды в Париже.

[2] Мое полное имя *Ольге'рд Вивьен Бодуен де Арли' де Шеудли'*, но все аристократические добавки полностью игнорируются моими коллегами. Они, «чистые» французы, и в силу сего, столь много титулований для хоть и благородной, но все таки полукровки считают — противоестественным. Они зовут меня просто по имени. По его странному сокращенному варианту. Очень по-парижски, превратив родовое имя семьи моей бабушки — *Ольге'рд*, в какую то клошарскую кличку — *Ольежь*. А я и не протестую. Пускай называют меня хоть «Тапочком» лишь бы не лезли ко мне со своим виденьем политической антропологии. Но если первое вполне возможно, то второе — вряд ли. Особенно если речь идет о начальстве.

ОБО МНЕ (ИЮЛЬ)

«У каждого человека есть несколько несбывшихся биографий, набор случайно несостоявшихся судеб».

Даниил Гранин

Я собственно русский. Вернее нет. Не так. Я русский француз. Мой дед Ше. ко родился в Украине у городка Полтава. Вам это ничего не говорит? Жаль. А родился он недалеко от того места, где появился на свет философ Григорий Сковорода. Это вам тоже ничего не говорит? Жаль. Городок то — прекрасный, а философ и вовсе чудесный — украинский Сократ.

Отец моего деда, да и дед моего деда были священниками, причем в том приходе, где крестили Григория Сковороду, вероятно, мой пращур даже держал новорожденного украинского Сократа на своих руках. А, может, и нет. Ведь мои предки были не только священниками. Странно, но факт — они, либо правили православную службу в храме, либо служили в армии, как правило, на командных должностях, иногда, впрочем, опять-таки, *служба* лесничими у магнатов Речи Посполитой.

У моего деда Василия было два брата.

Один из них стал военным музыкантом. Воевал против большевиков. После разгрома Белого движения остался в Советской России. Вначале 30-ых был идентифицирован как царский офицер и расстрелян. Семейой он так и не обзавелся.

Другой брат был красным командиром (тоже офицер только в большевистской армии), после окончания Гражданской войны, стал директором колхоза. Колхоз — это такая большая плантация, где работает много-много людей. Одним словом, крупной фигурой был. Потом переехал куда-то на юг, то ли в Одессу, то ли в Ялту, то ли в Новороссийск. Погиб он в 1944 году в Прибалтике, выковыривая бошей из Пруссии. Произошло это где то под Кёнигсбергом. Был у него сын, у того тоже дети. Мой дед в 70-ые годы с ними связался из Америки. Письма слал, посылки. Все мужчины по той линии отдали дань семейной традиции. Тянули лямку в армии, выбивая своим лбом звания и награды, служили в их советской полиции. Ну а некоторых мужчин из той ветви явно накрыли гены священнослужителей. Но они не рискнули пойти в храм, и вполне благополучно освоились на ниве идеологии и философии в своих советских университетах.

Что касается моего деда, то его помотало по свету как заправского героя авантюрного романа. Начал он царским офицером-пехотинцем. В 1916 году молодой прапорщик попал в составе Экспедиционного корпуса русской армии во Францию, в Шампань — в самое пекло. Очень дед отличился под Реймсом. После революции в России он отказался возвращаться на родину. И вполне добровольно поступил в Русский легион чести в составе Марокканской дивизии. Сражался под Парижем. Прошел Лотарингию, Эльзас, Саар и вошел в Германию. Затем судьба его закинула на юг России, где он сражался уже против Красных. А после разгрома белых генералов вернулся во Францию — политическим эмигрантом.

Будучи родом из мест, где свободно говорили на нескольких славянских языках, происходя из семьи, которая несколько поколений служила у польских аристократов, дед назвался поляком и... отправился в Польшу, где стал офицером уже Войска Польского. Дослужился до майора. В таком чине и застала его Вторая мировая война. Дрался он против

немцев, как в составе кадровых частей польской армии, так и в движении польского Сопротивления... На Западной Украине много и своей и чужой крови пролил. А вот, когда пришла Красная Армия, ушел на Балканы. Как он там обретался, что испытал — Бог весть. В конце концов, он снова поселился во Франции, но, едва получил гражданство, тут же — переехал в США. Где мирно и скончался в 80-ых годах.

Причиной появления моего папы на свет он стал в промежуток между Балканами и США в 1945 году. Бедствуя в Париже, средних лет клошар с военной выправкой фланировал среди книжных развалов вдоль набережной Сены. Поздним вечером, роясь в бумажном мусоре аккуратно упакованном в традиционный зеленый ящик он наткнулся на побитый плесенью листочек и, не удержавшись, продекламировал, глотая слезы от нахлынувших воспоминаний своей юнкерской молодости и тех памятных дней, когда он нашел приют у странного отшельника-Макса в Коктебеле:

*Сочилась жёлчь шафранного тумана.
Был стоптан стыд, притуплена любовь...
Стихала боль. Дрожала зыбко бровь.
Плыл горизонт. Глаз видел чётко, пьяно.*

*Был в свитках туч на небе явлен вновь
Грозящий стих закатного Корана...
И был наш день — одна большая рана,
И вечер стал — запёкшаяся кровь.*

*В тупой тоске мы отвертели лица.
В пустых сердцах звучало глухо: «Нет!»
И, застонав, как раненая львица,*

*Вдоль по камням влача кровавый след,
Ты на руках ползла от места боя,
С древком в боку, от боли долго воя...*

Рядом стояла вся в слезах бедно, но при этом все равно, элегантно одетая женщина, впившаяся пальцами в недавно купленный томик стихов того же поэта: «Anno mundi ardenti» 1916-го года выпуска.

Дед вздрогнул, когда раздался глубокое женское контральто. Немолодой третий жизнью вояка слегка дрожал, не поднимая глаз, до тех пор пока не была закончена женская песнь о вечности и любви, навеянная детскими яркими картинками удивительных историй рассказанных душными Коктебельскими вечерами дядей Максом в тот год, когда ее семья навсегда покинула Россию:

*Звенят Весы и клонят коромысла.
Нисходит вниз, возносится бадья...
Часы идут, сменяя в небе числа,
Пути миров чертя вокруг остия.*

*Струится ночь. Журчит и плачет влага.
Лады скользит вдоль тёмных берегов,
И чуток сон в водах Архипелага,
Где в море спят созвездья островов.*

*Гнездо Гиад... и гроздь огней — Плеяды...
Великий Воз и зоркий Волопас...
Свой правя путь чрез тёмные Циклады —
Какой пловец в уме не числил вас?*

*И ваш узор пред взором Одиссея
В иных веках искрился и мерцал,
И ночь текла, златые зёрна сея,
Над лоном вод в дрожании зеркал.*

*И, ставя сеть у древних стен Хавона,
В тиши ночной видали рыбаки
Алмазный торс гиганта Ориона,
Ловца зверей, любовника зари.*

*Когда ж земля бессмертными иссякла,
Лишь глубже стал и ярче небосклон.
И Солнцу путь затмила тень Геракла,
И Зевс воздвиг на небе льдистый трон.*

*Все имена, все славы, все победы
Сплетались там в мерцаниях огней.
Над головой жемчужной Андромеды
Чертил круги сверкающий Персей.*

*В себе тая все летописи мира,
В ночах светясь внемирной красотой,
Златыми пчёлами расшитая порфира
Струилась с плеч Ионии святой.*

После завершающего аккорда стихов *они* встретились глазами, и, я в этом уверен, именно тогда был зачат мой отец. И кому какое дело, что *их* тела встретились только спустя несколько месяцев и то, что *они* обвенчались в православном храме, но так никогда и не оформили свои отношения в гражданских канцеляриях Парижа и, то, что в тот же год *их* перестали считать мужем и женой — дед навсегда уехал в США.

Моя бабушка была русской дворянкой. Не была она графиней, не была герцогиней и даже не была баронессой. А была она простой русской дворянкой, чей род официально начался в 1054 году, когда одна из дам свиты дочери русского князя, Ярослава, вышла замуж за французского шевалье. Потомки их союза, уже при князе Данииле Галицком вернулись на Русь (этот князь правил на самом Западе русских земель, одно время даже был королем). В

1920-ом году потомки французского дворянина и свитской дамы королевы Франции Анны Ярославны, сильно обедневшие, но не потерявшие дворянства, вернулись во Францию бросив свое последнее имущество по дороге из Коктебеля в Севастополь.

Дед, прожил с бабушкой во Франции около года, едва не попав под депортацию всех русских в Советы. Бежал в США, женился там, на девке из Деневера, да и не вернулся в Францию — стрела настигла свою львицу. Бабушка воспитывала моего отца сама. Дед приехал во Францию лишь на мое рождение и рассказал свои эпопеи... на диктофонную пленку и передал моей бабушке. Так и знаю я своего деда — по голосу из магнитофона, по паре фотографий и по зачитанному сборнику «Anno mundi ardentis» 1916-го года выпуска, где было много стихов о Париже и очень мало о любви. В этой книжке самым зачитанным, исчерканным вдоль и поперек стихом был:

*Париж, Царьград и Рим — кариатиды
При входе в храм! Вам — солнцам-городам,
Кольцеобразно лежим по водам,
Завещан мир. В вас семя Атлантиды*

*Дало росток. Пророки и друиды
Во тьме лесов таили Девы храм,
А на реке, на месте Notre-Dame
Священник пел заутрени Изиды.*

*Париж! Париж! К какой плывет судьбе
Ладья Озириса в твоём гербе
С полночным грузом солнечного диска?*

*Кто закрепил на площади твоей
Драконью кровь волхвов и королей
Луксорского печатью обелиска?*

Бабушка говорила, что после отъезда деда, она не читала этот сборник ни разу. А лишь бережно хранила его и передала книжицу мне такой, какой оставил ее окуренной страстью, пеплом и жаром Новой Эры 1945-ый год.

Кстати, мой папа реализовал траекторию своей доли романтики по образу и подобию дедушки. Но не в Европе, а в Африке, в Заире. Тогда он уже был офицером Иностранного легиона. Но гены пальцем не сотрешь. Несмотря на послужной список, попал в какую-то невнятную историю. Сбежал из-под надзора. Встретил мою мать, подарил мне жизнь и исчез. Говорят, что теперь он живет где-то в Центральной Азии, после того, как прослужил в диких гусях почти все 80-ые.

Моя маман была союзом африканки и белого колонизатора, о последнем мне вообще ничего не известно. А сама маман была родом из семьи потомственных шаманов. Со мной на руках она пробралась во Францию, нашла бабушку (видимо папа постарался: снабдил документами и деньгами; да и маман была, судя по рассказам бабушки — яркой, энергичной, пробивной и весьма недурственно образованной женщиной). Эти две дамочки добились для меня французского гражданства.

(И даже официального признания за мной герба и фамилии дворянской линии бабушки. Было в ее роду такое право передавать женщиной своему сыну или внуку дворянство в случае неравного брака, но только один раз. Право было даровано еще в восемнадцатом веке за особые услуги королю Франции одному из ее предков русско-французскому дворянину-дипломату. Этим правом и воспользовалась бабушка первый и последний раз в истории династии, таково условие привелея — разовая акция, так сказать).

После торжественного введения меня в дворянский статус и обретения мною прав на французское гражданство, маман исчезла из моей жизни, умотав обратно в Заир, где и сгинула в горниле гражданской войны.

Скоро и мы с бабушкой покинули Францию. Пожили в Греции. А в 1991-ом переехали в Болгарию, затем в Сербию, потом в Россию. Где я и похоронил потомка благородной дамы из свиты дочери князя Ярослава и французского дворянина. В итоге я получил философское образование в России, устроился преподавателем философии и был выгнан из одного приморского университета. Вспомнил о своем французском гражданстве и после всех мытарств вернулся в Париж, изрядно подзабыв французский, но неплохо освоив славянские языки плюс испанский, который выучил за три месяца после пьяного спора со своим приятелем на склонах гор, которые тамошние аборигены зовут яйлами...

Все это было бы не так смешно, если бы не было правдой.

*«Именно потому, что вы этого сделать не можете,
вы обязательно это сделаете».*

Георг Шопенбарг

Я ненавижу диалектику! Почему? Да очень просто. Любой начальник, коль он уж проник в сферы начальия — диалектик на уровне эксперта. Он не может удержаться на своем посту, если не будет талантливо обращать препятствия в трамплины, а свои трамплины в препятствия для других. Он должен это делать затейливо, со вкусом, но естественно и элегантно. Ибо в противном случае, какой же он начальник? Так, случайный посиделец на директорском кресле. Его очень быстро превратят в трамплин могучие диалектики-коллеги, или же, если повезет, в барьер для иных бедолаг. Доказательства? Это элементарно. Скажем, есть субъект «Д», начальник для субъекта «Б». Последний должен сделать процесс «С», в результате которого «Б» получит награду, а субъект «Д» подтвердит свои качества организовать работу «Б». Любая формула начальия кривится от такого подхода. Его идеал: «Б» делает процесс «С», в результате которого «Б» получает замечание (оргвыводы, наказание), а субъект «Д» — награду и подтверждение своих качеств организатора. При этом «Б» должен продолжать работу над процессом «С» с целью его дальнейшего продвижения, или же получить задания на не менее важный процесс «К». «Б» — не идиот. Он понимает, что «Д» отберет награду, но все равно, качественно и талантливо делает процессы «С», «К»... Почему? В силу организованной «Д» системы диалектического диктата.

*Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.*

*На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.*

*Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.*

*Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.*

К чему это я? Близка осень, а значит снова пора на работу в систему диалектического диктата нашей кафедры.

«Документ в философии штука особенная, мало с чем сравнимая, ибо она, штука, близка к шутке, хотя от него — документа, любой философ впадает в сарказм плача».

Якоб Шоу

Преподаватель в университете (Институте, Высшей школе) не может быть ученым, вернее, может, но тогда он не преподаватель. Ибо, что есть спрашиваю я Вас, преподаватель? А есть он биомыслящая машина, предназначенная для передачи информации. Взял мыслишку у такого фрукта как Р. Декарт и передал его разгильдяю-студенту Анри Клошару. Взять свою мыслишку? Увольте, это методически не корректно. Кто Вы и кто Декарт? Смешно даже и сравнивать. И потом есть учебник, рекомендованный к изучению. А Вы кто? Учебник? Очевидно, что нет. Может, хоть какой-нибудь завалиющийся Платон? Абсурдно и помыслить, а значит будь добр брать мыслишку у Декарта. Это конечно, если ты толковый и яркий преподаватель, а если банальная посредственность, то можешь черпать мысли и просто из учебника.

«Сами напишите учебник» — резко советуют правдецы. Можно и написать, но что за текстики туда поместить? Свои собственные? А кто ты такой, чтобы говорить о познании не так, как это УЖЕ кто-то сделал? Это ведь опять таки методически некорректно. И далее камарилья со звоном и кровососущими налетами начинается по новой.

«Ну, так наплюй», — посоветует улыбчивый интеллектуал, — «СТАНЬ ученым с мировым именем». Прекрасно, скажешь ты, — просто чудесно. Но, собственно, как статья? Перестать преподавать? Уйти с работы? Нет. Надо все-таки совмещать. А как? Шесть часов сплошные лекции и семинары, час, полтора работа в студенческом коллективе и с Альтер-эго этого коллектива (всякие там тесты, контрольные, рефераты). И что в остатке? Где те часы сосредоточения, надобные для впитывания реальности чужих идей, где те часы напряжения, ведущие к рождению твоей мысли, где те часы, рождающие литую, звонкую фразу — секущий удар твоей мысли в емком и полном предложении?

Замете, что речь идет пока лишь о технологии рождения текста. Я даже не считаю возможным упоминать о таких безделицах, как систематическое знакомство с новейшими разработками по твоей теме, общение с коллегами из других регионов, апробация идей и текстов в форме конференций, статей и монографий. Совместимо ли это? Да, если ты не преподаватель, а его лицемерная тень: лекции за тебя читает молоденький кандидатик на должность, семинары ведет аспиранточка, контрольные проверяет лаборант, отчеты пишет запуганный коллега. Красота! Ах! Да! Надо в год написать еще около 4000–4300 страниц отчетов, планов, методичек, рабочих программ, программ семинаров, рекомендаций по самостоятельной работе, рекомендаций по введению рейтинговой системы оценок, лекционных программ и иных документов, документиков и документищ, имя коим — легион.

Нужно написать, обсудить с шефом, переработать, обсудить с шефом, обсудить на заседании кафедры, доработать, утвердить на кафедре, утвердить в институте, откорректировать и снова утвердить в институте, затем получить новую форму, переработать, обсудить, доработать, утвердить, получить замечания, уточнить,

переформулировать, обсудить, доработать, утвердить... а после начать процесс совершенствования сделанного. И так по *каждому* документу в отдельности. И не приведи господи, не сделать. Это повод к замечанию, предупреждению, взысканию, лишению премии, штрафу и увольнению. Так и хочется сказать вслед поэту, который не раз бился с бездушным бумажным тайфуном:

*Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу хода нет.*

*Тёмный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, всё равно. ...*

Если ты преподаватель — век тебе горбатиться над бюрократическим пипифаксом, а если ты *ученый*, весь этот чернильный шторм будет испытывать на себе подчиненные или подавленные тобой кафедры. Впрочем, вру. Если ты одинокий, стареющий мужчина, с хорошим окладом и тягой к величию — наплевать. Ты осилишь и глыбы методичек, и потянешь науку. По-честному потянешь, выбивая своим одиночеством зубы у вурдалаков высшего образования. Но если ты одинок ради науки, то это значит, ты кинул в пасть знанию своих нерожденных детей и лишил счастья прекрасную женщину, так и не ставшую тебе женой? И все это ради того, чтобы студенты хором повторяли ТВОИ мыслишки, а не зубрили текстике Декарта? Ну не смешно ли?

Все так, все так, однако же, причем здесь философия? Ведь все сказанное касается науки и ученого? А каково философу и философии? Вот здесь то и начинаются пляски двоечников на трупах великих, в том смысле, что начинается истинная философия, которая всегда мать невежества.

ВЛАДЫКИ ЗАПЯТУЛЕК: Запятун [1]

"Это был не юмор мыслей, и даже не юмор слов; это было нечто куда более тонкое — юмор знаков препинания ...". Сомерсет Моэм.

Я продолжал работать над книгой о пунктуации, которая стала настоящим препинанием в моем творческом беге. Отрывок, который наиболее понравился Луи Ришару и за который он премировал меня 5 тысячами евро.

Б

ез грифа "Запятулек" отныне ни одна рукопись не могла быть подана на ученый совет. Ни одна и не подавалась. Все тексты регистрировались и как не имевшие грифа Запятулек оседали в бездонных архивах наивысшего учреждения, без какого либо дальнейшего движения. Иногда Запятульки высказывали свое саркастическое мнение о способностях авторов к расположению знаков препинания по установленным стандартам на строго ограниченном пространстве листа, но чаще просто не заглядывали в рукопись. Да. Последнее становилось уже не просто частым явлением, а стандартной процедурой. Так, например, вполне официально уже несколько месяцев Наивысшее и Наитехнологическое совещание Запятулек не собиралось вовсе. Запятулькам было не до визирования, грифирования и любого другого рецензирования презренных текстиков таких мелких и смешных авториков. У них, у запятулек, образовалась эпическая проблема с хвостиком.

То, что рукопись не может быть достойна внимания, если количество запятых ошибочно увеличено или уменьшено, знали давно и прочно. Но вот хвостик! Как оказалось в ходе сложнейших наивысших изысканий никому не может быть интересна мысль автора, его умозаключения, гениальный (не побоюсь этого эпитета) подход к теме и ее раскрытие без строго регламентированного диаметра, формы и протяженности хвостика. Запятулек зашгормило проблемой.

Наиглавнейшая, а, следовательно, наивысшая запятулька наивысшейше заявила: «Мы ошибались!! Разве проблема формы хвостиков запятых идет хоть в какое-нибудь сравнение с простым количеством запятых!!? Мы следили за высоким качеством рукописей не по тем параметрам, совсем не по тем. Это же рукопись! Владение рукой — вот, что важно! А владение мозгами в обществе "Запятулек", как вы хорошо знаете — не приветствуется. Да это и понятно, где мозг не видно, а где руки и откуда они растут заметно (хотя есть варианты...)...

— Вы на верном пути, — сказал Ришар. — Ваши наблюдения над киборгами важны как сами по себе, так и в контексте проблем запятых. Если не мы, то кто станет на пути невежества?

[1] Однажды в Париже.

«Электронный мерзавчик — это то, при помощи чего современный студент думает.

Это его «мозги в кармане». Я изъясняюсь непонятно?

Что поделатъ, ведь мои мозги, пока еще у меня в голове, а, значит, они не настолько просты,

как мерцающий экранчик айфона и до них еще надо добраться»

Бэйл Гейнц

Я снова в своем маленьком кафе в Париже. В том самом, которое бытийствует в обрамлении старого парка. Оно отличается от несколько вычурного Le Petit Poucet, большей простотой и отсутствием городской застройки. Пью маленькими глоточками раскаленный кофе и смотрю на мелкую морось, красиво оттеняющую багрянец деревьев парка. Внезапно прихожу к выводу, что студент может вполне спокойно кушать бутерброды во время лекции или позволять себе пятнадцати минутные опоздания. И дело не в том, что это происходит (такие случаи бывали и раньше), дело в том, что студент считает это естественным и нормальным: «А как же было не опоздать, — удивляется студент современный, — ведь я КУШАЛ (!), или вы хотите, чтобы я голодал? (!!), это ведь вредно (!!!)». Факт влюбленности в свое тело, почтение перед своим желудком и витальными потребностями (помнится, еще лет 10 назад отпроситься в туалет, было не то, чтобы нельзя, но как-то стыдно, не совсем прилично, ибо нужно было раскрыть некоторый аспект своей биологии, скажем так, интимного плана). Сейчас это норма. А как же иначе?! Ведь ТЕРПЕТЬ ЭТО ВРЕДНО! Этикет в этом случае играет очень показательный характер. Читая дисциплину «Этика французского Бизнеса», а также курс: «Человек и его потребности», я со студентами не раз и не два проводил тренинги, где обращал их внимание на столь странное отношение к своей, студенческой телесности. Студенты смущались, исправлялись. Понимаете? Нужен тренинг, несколько лекций, и семинаров, чтобы студент стал «фильтровать» свое поведение, чтобы начал осознавать, где рычит инстинкт, доставшийся от животных родственников, а где находится сфера Человеческого... Раньше это было понятно студенту без всяких тренингов. Мое «Я» — хозяин моих биологических инстинктов. Сейчас это «Я» находится в каких-то зеркальных лабиринтах вполне сформировавшихся рефлексов: «Тело все — душа (читай: человеческое, умственное, духовное и прочее) — ничто».

И это признак отнюдь не низкой культуры или слабого воспитания в школе. Нет. Мне видится, что это маркеры принципиально нового даже не мировоззрения, а форм бытия. Извините, мои воображаемые слушатели, которых я создал сейчас в этом кафе (не считать же за таковых столики, капельки дождя и гарсона), за последний философский термин. Но именно *бытия*, или, если угодно, *существования* в пространстве культуры, политики, искусства... студенческой столовой нового поколения младого. Оно не скажу, что лучше поколения десятилетней давности, оно иное. Иное в своих фундаментальных характеристиках, своих основах, а не только в мелочах вроде игр одного «месье» с волосами подружки прямо на семинаре: «А что тут такого? Мы же хотим пожениться?!».

Я делаю еще несколько глотков кофе, зажмуриваю глаза и определяю недавно

осмысленный мною феномен как «киборгизацию», о чем с пафосом и заявляю своим воображаемым оппонентам. Ибо киборг это не просто сращенные машины с человеческим телом. Это, прежде всего, мир, замкнутый в определенном теле, это целостный мир — где реальность это реальность, исключительно физическая, предметная. Это реальность, где присутствуют простые запросы и их мгновенное удовлетворение (нажал клавишу, появилась буква «Н» — компьютер не может не отреагировать на нажатие клавиши, так же и в вышеприведенных случаях: придавил... эээ мочевого пузыря, надо немедленно опорожниться).

Современные же технические средства, активно внедряемые в образование, лишь усиливают киборгизацию молодежи, но уже не только на витальном, но и на интеллектуальном и духовном уровне. Формируя новые слои киборгизированной реальности у студента. Ведь процесс этот сложный и в каждом из нас намешаны слои животного, Человека, некие технические компоненты, определенная стилистика «компьютерного поведения», «геймерской реакции» на раздражители и т. д.

Воровским движением захватываю пачку салфеток и коряво пишу на них следующее:

«Киборг это:

1. Номо «Studiosus», который имеет четкую и ясную необходимость в тактильной связи с электронным устройством, способным накапливать информацию (смартфон, планшет, ноутбук или, даже, банальный флэш-накопитель). Так, например, при ответе на вопрос преподавателя Номо «Studiosus» совершенно необходимо чувствовать в кармане, прилегающем к телу, вертеть в руках, поглаживать либо сам носитель информации, либо его футляр. При этом даже простой факт наличия в руках носителя информации (обесточенного или попросту не работающего) значительно повышал уверенность студента при ответе. Просьба отложить в сторону смартфон (выключенный!!!) приводил к разбалансировке ответа студента, нервному напряжению и иным формам дискомфорта. Мною неоднократно отмечено, что как только носитель оказывался в руках у студента, его уровень ответа значительно повышался. В том же случае, если носитель оказывался выключенным, даже при отсутствии возможности увидеть информацию на экране, ответ вновь скачкообразно улучшался и приобретал ясную структуру.

2. Современный студент — ьне имеет навыков, склонности, умений и мотиваций для накопления знаний с целью их дальнейшей обработки. А значит по образу жизни своего интеллекта он — киборг. Пропуская через себя колоссальные потоки информации, такой биологический киборг при помощи ряда информационных фильтров генерирует нужную ему информацию и в виде сырых, необработанных дайджестов (правда разделенных по общим темам) потоком выдает ее в требуемой форме (устный ответ, контрольная работа, реферат). Мысль об анализе информации, ее синтезировании в новое качество, одним словом, мысль о возможности творческой работы с фактами, построения на основе фактов личной позиции — приводит киборга в ступор, а, иногда, попросту в ужас. Творчество для киборга — это создание структуры, схемы, куда укладываются отфильтрованные факты из постоянно сопровождающего его массива информации».

Спустя пару дней, на семинаре в Бордо заявляю уже вполне живым оппонентам-слушателям из числа ведущих политических антропологов, психиатров, философов и педагогов Франции:

«Киборгизация — явление достаточно новое, и стало возможным при резком удешевлении электроники, резком снижении цен на Интернет и резком росте доступности точек выхода во Всемирную паутину. Но стоит учитывать, что современный мир это реальность, где время сжимается, где процессы имеют способность революционно ускоряться. Это реальность, где в Тартарары летят сложившиеся представления о «Старичках» и «Молодежи», где время поколения это не 25, а 10, а, быть может, и того менее лет.

В современной Высшей школе массово проводится информатизация обучения. В частности, речь идет о введении тестовой системы, проведении мероприятий по математизации результатов учебы (когда за каждый вид работы студент получает баллы, в итоге они суммируются, и выставляется оценка по 100 бальной системе), развитию форм лекций-презентаций, создания сайтов преподавателей, математизация научных успехов самого преподавателя, индексация цифр успешности преподавателя в суммы премий и так далее. Особенно болезненно эти процессы воспринимаются гуманитариями. Любопытно, но и киборги в меняющихся реалиях чувствуют себя очень и очень неуютно. Дело в том, что информатизация гуманитарных дисциплин Высшей школы проводится не для киборгов, а для биологически активных личностей, способных к творчеству, фантазии, которые раскованы в своих интеллектуальных перспективах. Для киборга же вполне приемлем тип банального реферата, который он компилирует по принципам плагиата и маскирует как самостоятельную работу.

Принцип маскировки примитивен и основан на колоссальном объеме прокаченной через киборга информации (которая после выполнения реферата признается информационным мусором и мгновенно изымается из банков памяти). Можно, конечно, аргументированно доказать факт плагиата старым добрым чтением реферата, но это процесс трудоемкий и может носить разве что разовый характер (принимая во внимание нагрузку в 200–300 студенческих душ на одного преподавателя). В новых условиях, когда требуется проводить рефераты через системы анти плагиатов, киборг чувствует дискомфорт, при ужесточении же системы контроля и введения обязательных эссе, творческих работ по созданию, скажем, логических схем на основе цветных линий связи между десятком категорий... киборг значительно сдает свои позиции. Тесты проходит, а вот комплексные творческие работы — нет. Как только исчезает ориентир нахождения конечного продукта в сети Интернет — киборг становится беспомощным. В этом, и ТОЛЬКО в этом смысле информатизация образования вещь положительная... Но, увы, и ах, большинство преподавателей уже органично не способны создавать педагогические продукты, не имеющие аналогов в сети Интернет и, в этом смысле, они превращают образование для киборгов в профанацию. *Именно киборгизация процесса преподавательской деятельности является ключом для понимания парадоксов киборгизации студенчества.*

Ведь преподаватель-гуманитарий, поставленный в условия разработки всей документации по 5-6-ти ежегодно меняющимся дисциплинам, не может работать классически (если конечно слово «отпуск» не заменит на «активизацию подготовки документации к новому учебному году», а «выходной» на «продолжение работы») и вынужден сам киборгизировать процесс создания своих лекций, рабочих программ и фондов оценочных средств. Когда он, то читает «Философию истории», то обращается к «Религиоведению», а через год за несколько месяцев разрабатывает документацию по дисциплине «Философия современного позитивизма», или «Философию виртуальной

реальности», то неизбежен рост информационных потоков.

Таким образом создание фильтров и процесс киборгизации всего его творчества становится делом времени, надо признать, очень небольшого промежутка времени (смотри технику обработки киборгом информации для создания реферата). Как результат, к таким максимально киборгизированным дисциплинам студенты киборги подстраиваются изумительно быстро. Яблоко от яблони, как говорится... А мобильная электроника лишь дает дополнительный комфорт и внешние условия для взращивания указанных феноменов. Процесс сложен, противоречив (а что в нашей жизни кроме абсолютного киборга просто и схематично?) и он базируется как на маленьких мобильничках, так и на понимании смысла слова «Учитель». Не стоит сводить проблему лишь к мерцающим экранам проблему. Хотя именно в мерцании электронных «мерзавчиков» она наиболее рельефно видится и обществу, и широкому кругу специалистов».

Коллеги посмотрели на меня весьма неодобрительно и не удостоили даже вялыми вопросами. Кстати, кофе в Бордо преотвратнейшее.

ТВОРЧЕСТВО (Ноябрь)

«Студент глаголет:

«Сократ — живой ОРГАН массовой коммуникации»

Из записной книжки О.К. Шевченко

... Сократ был великим завоевателем Трои...

— Но во времена Трои не было Сократа и...

— А что было?

— Вы имели в виду «Кто»?

— Ой, извините...

— Я не «ОЙ», а Насер фон Ульрих... Если угодно «НУ», впрочем, продолжайте.

— ЭЭЭ....

— Ах, вы просто неисправимы. Продолжайте, прошу Вас.

— Нуууу... ЧТО было во времена Сократа?

— Спарта была, Афи...

— Вот, Сократ был великим завоевателем Спарты.

— А причем здесь философия?

— Ну, так он сначала завоевал Спарту, а потом это, того... Нуууу... о нем узнали философы.

— Назовите великого немецкого философа.

— Гель?

— Нет.

— Шопинг?

— Нет.

— Бердяев!

— ??? Как-то не очень по-немецки звучит...

— Вы что хотите, чтобы я с немецким акцентом сказала?! Я ведь английский и польский изучала вообще-то. И перестаньте, в конце концов, делать из меня дуру. Мне ведь даже перед блондинками стыдно.

— Кого вы знаете из античных философов?

— Дегенерата!

— Нет.

— Но я ведь знаю, я не обманываю!!

— Нет, в смысле не было такого философа.

— Ааааа... Тогда я знаю Демократа!

— Нет.

— Домкрата!

— А, что, вполне возможно...

Метаморфозика.

Катаклизма.

КГБ и ФСБ — это общественные организации.

Первые философию открыли Финны... Ой, не смотрите на меня так, я краснею. Ну ошиблась. Я хотела сказать Филиппинцы. Что? Ну да, я же и говорю — Финикийцы.

Нууу «Божественная комедия»... Философия Возрождения. В общем, автор — Гомер. И там — Одиссей 20 лет к жене возвращался с соседнего острова. В общем, такую *комедию* устроил.... Еще и этих, *богов* приплел в оправдание... козел.

— Ладно, девушка. Хорошо. В конце концов, у нас тема семинара «Философская антропология».

— !?!?!

— Не напрягайтесь. Вы милое создание, и я вас «грузить» не буду.

— !!!!!

— Вот простой вопрос, что у вас в голове?

— Мозги!

— Умница, ну а в мозгах что?

— Мышцы!

— ?????

— Нууу, вы же требуете, чтобы мы напрягали мозги!

— А я думал, в мозгах у вас мысли.

«Ты свободен лишь до тех пор, пока не встал вопрос о твоём контракте, ибо философ подвергаемый угрозе увольнения жалок. Жалок от того, что кроме философствования он ничего не может (не хочет, не умеет, не желает, не понимает, не... не... не...), а значит, он после увольнения исчезает из бытия.

А вещи, лишённые бытия, также жалки как душистый персик, лишённый своего бытия и превратившийся в ароматную кучку фекалий»

Тибиро Ихтиато

Ночь на винной горе вещь особенная. А винная гора на юге Франции это вещь абсолютно особенная. Представьте себе, что на маковке горы французы расположили уважаемый вуз, где обучают будущих психологов для социальной работы с детьми-инвалидами, а сразу под обрывом — мадерная площадка крупного предприятия по созданию прекрасных вин. Я стал работать в этом вузе с начала осени. Мотаюсь из предместья Парижа, сюда в Лангедок каждую неделю. Оплата столь высока, что на все остальное можно закрыть глаза. Впрочем: ночь, винная гора, море.

Поздним вечером (или же ранней ночью, право, не знаю как точнее описать), перед последней лекцией (18–30 — 20–00), солнце уже уходило за горный хребет, но тьма пока властвовала лишь в узких ущельях и медленно ползла к винной горе. В этот момент произошло два события. Во-первых, начальник по телефону объявил, что скоро будет конкурс и всех лентяев он выгонит на улицу. Во-вторых, по всему югу отключили электричество — террористы взорвали несколько линий передачи электроэнергии и у нас начал твориться форменный английский бедлам. Готовиться к конкурсу стало бессмысленно, а ждать лекцию (вдруг свет включат и занятия продолжатся) — необходимо. В аудиториях уже ночь. А на улице сумерки. Я подошел к лавочке перед входом и увидел забытый кем-то блокнотик. Там было написано:

Клошар с улицы мудрологов. Рассказ.

Тусклый, дымчатый, подбагренный бордовым лунным светом «кровавой Селены» шар обрушился под утро первого дня, первого осеннего месяца, первого года свободы на голову Доцента. Шар был липок, тяжел и очень нестабилен. Ударившись об осеннее утро, он растекся распоряжениями Заведующего, жирными шлепками втемяшился в мятущиеся мечты о первой в этой осени премии, пеплом обгорелых крыльев бабочки присыпал надежды на творчество. Мистическим образом он отразился гневным пламенем в прекрасных глазах жены. Окончил шар свой путь — чистой звездой грусти в скорбном лице дочери».

Листки были смяты, и от них несло прокисшим вином. Первое не удивительно, учитывая, сколь много ягодниц по ним терлось, а второе очевидно, гора то винная. Под скамейкой лежало еще несколько листков, но уже довольно гладеньких и без аромата вина. Я подумал, что временами находиться под чем-то гораздо чище и благородней, чем над чем-

то. Ведь то, что под скамейкой, намного дальше от ягодниц, чем то, что над скамейкой. Впрочем, почерк был один и тот же, да и смысл поменялся не сильно. На форму текста, как нонче водится, я не обратил никакого внимания. Вот, что там было написано:

«... было начало Нового Года... Еще не было конца Начала, однако в воздухе витал противный душок начала Конца. Над первым сентября витал дух Конкурса, который обосновывал и тяжесть, и липкость, и багровость конца. И лишь кровавую луну он не обосновывал никак, она была вне его власти и, вероятно, поэтому, блистала во всю свою силу.

Конкурс в Заведении был большой новостью, а, значит, был всем хорошо знаком. Ибо новость всегда настолько стремительно просеивается разумом, что от появления, до полного ею овладения остается мизерный, даже для мига промежуток.

Конкурс на должность Доцента еще не был объявлен, о нем еще даже не начали говорить, но он уже поселился в светлых уголках и темных залах Заведения. Он обрел реальность некого потустороннего Смотрящего за всИм и всЯ. Его никто не мог увидеть, не все Лекторы и Заведующие соразмеряли не то, что шаги и росчерки пера, но даже свои мысли с грозным рыком Смотрящего. Звуки его гласа вибрацией раздавались в умах, но вибрировала не Бумага с Печатью, а, значит, эта самая вибрация Гласа, не могла быть подшита к жалобе на произвол Смотрящего, которого, кстати, не смотря на весь издаваемый им шум — не было. Именно поэтому вибрация гласа Смотрящего оказывала более качественное давление, чем листик с печаточкой. Не было листика и все тут. А значит, нет повода к демаршам, а, следовательно, давление день ото дня становилось все крепче и все сильнее... *Sapienti sat*».

Меня позвал друг и, сказав, что лекции отменены, пригласил пойти к обрыву и выпить вина.

Мы стояли над ущельем. Из горлышка бутылки по очереди хлебали Бордо и смотрели с высоты винной горы, как приморский город, дом за домом, квартал за кварталом, озарялся электрическим светом. Когда вино было допито, а весь город блистал огнями, вновь выключили свет, сразу и везде одновременно. Найденные листки мы разделили с другом по-братски. После некоторого спора отрывок «...*Sapienti sat*» достался мне. Потом мы использовали разорванные листки по назначению. Благо ночная тьма, блэкаут и дешевенькое винцо этому сильно способствовали.

ВЛАДЫКИ ЗАПЯТУЛЕК: Диссиденты запятуль

«Эн архі ин о Лóгос, ке о Лóгос ин прós тóн Фэóн, ке Фэóс,
ин о Лóгос... Эн автó зoй ин, ке и зoй ин то фóс антрóпон».
Апостол Иоанн

- Ин принціпио éрат Вэрбум, эт Вэрбум éрат áпуд Дэум, эт Дэус éрат Вэрбум... Ин íпсо víта éрат, эт víта éрат люкс хóминум
- Эн эль принсіпио éра эль Бэрбо, и эль Бэрбо éра кон Дьос, и эль Бэрбо éра Дьос... Эн эль эстаба ла бйда, и ла бйда éра ла лус дэ лос óмбрэс.
- Бэрэшіт һайá Надавáр, вэһадавáр һайá эт Наэлоһім, Вэлоһім һайá Надавáр... Бо һайу хаййім, вэһахаййім һайу ор бэнэ һа-адам.
- Мсье Ришар, Вы меня поставили в тупик.
- Это Иврит, дорогой Ольежь...
- Ну что же, вот вам и мой ответ: «В началó бéше Слóвото, и Слóвото бéше у Бóга, и Бóг бéше Слóвото... В Нéго íмаше живóт, и живóтат бéше светлинáта на човéците».
- Знаете, Ольежь, Ваш Испанский куда как не дурен, но вот Русский очень слаб.
- Это не Русский, мсье Ришар, это Болгарский.
- В самом деле?
- Вне всякого сомнения.
- А Вас не смущает, что в Вашем мире Запятуноидов все как-то уж очень благополучно? Нет даже такой пустишной малости как диссидентов?
- Но причем здесь Евангелие от Иоанна?
- Слово принадлежит Богу и Слово свет Человеков. Для всех свет, даром, просто так... А вот Запятуны уж очень властно настроили этот свет исключительно в рамках своей, так сказать осветительной программы.
- Пусть так, но причем здесь диссиденты? И где здесь философия знаков препинания?
- Очень просто. Когда кто-то, что-то присваивает себе, умные люди понимают ценность присвоенного и желают вырвать присвоенное и самим им обладать. Например, присвоенная кем-то из людей истина, сразу же оказывается нужной кому-то еще, хотя до этого валялась буквально на дороге... Потерянное слово это, ведь, очень много... Что касается знаков препинания, то между ними все-таки есть промежутки, и кратчайший промежуток — это все-таки слово. Слово, которое до своего появления пишется с заглавной буквы, ибо даже при отсутствии точки она подразумевается, из *ничего* не рождается *ничто*. Вернее рождается при одном условии. Если это *ничего* концентрируется в точке, после которой идет Слово.
- Это как-то очень скверно пахнет, гностицизмом каким-то... И, причем здесь Я?
- Мне было бы более чем приятно, мсье Ольежь, если бы Вы сумели описать тех, кто борется против диктата Запятунов. Но не тех, кто выступает против, а тех, кто является кривым зеркалом диктатуры запятуль. Те, кто сами присвоили себе право на Слово... и ничуть этим не смущаются. Бог с ней, с точкой, опишите парадоксы обладания словом, не Словом, а просто — словом.
- Быть может, запятуны сами представляют собой кривое зеркало этих, ваших диссидентов.

— Хе, хе. Два зеркала: одно истинное, а другое кривое, но что же они отражают, мсье Ольежь?

— А Вы как думаете, мсье Ришар?

— Я не думаю, я плачу. А думаете — Вы, быть может, даже и пишете. Ну, И? Введете линию диссидентства? Так как Вы посчитаете это нужным... или приятным для Себя. Но не забывайте: «Tàichū yǒu dào, dào yǔ shén tóng zài, dào jiùshì shén... Shēngmìng zài tā lǐ tóu, zhè shēngmìng jiùshì rén de guāng»

— О Боже! Писать о диссидентах после Вашего Китайского это, как говаривал Τύχων Σεβαστούπολη — «ТРЕШ!».

Терзал я листки недолго, довольно скоро под воздействием прочитанных антиутопий, а особенно, мистических историй французского летчика и аргентинского библиотекаря, появился вполне себе приличенький текстик, похожий на новеллу, но я его назвал в беседе с мсье Ришаром «серой Феерией».

— Но почему же «серая Феерия»? — спросил он, спустя неделю, предварительно вымотав меня бесконечными частными вопросами о моем герое, моей феерии.

— Не знаю, — ответил я, — лучше еще раз прочтите, что я написал, и придумайте ответ сами.

Удивительное дело, но мсье Ришара вполне устроил этот, с позволения сказать, ответ.

«...»

в Грандиозной книге и, на мой взгляд, в одной из Величайших фраз в Знаковой главе Грандиозной Книги было сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог». И равновеликая ей фраза: «В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков».

Слово в наших устах это далекие отголоски того, первого Слова, и жизнь, рожденная нашими словами — не более чем малозначимый отзвук той, рожденной Жизни. Но все же... Все же слово и посея день наше. Слово (вернее — слово), рождает жизнь. Все восхитительное очарование Мира и мира в этих двух точках мысли: **НАШЕ** и **ЖИЗНЬ**. Но с каждым десятилетием мы теряем СВОЕ слово и забываем о ЖИЗНИ, рожденной нами же. Мы все чаще не ТВОРИМ, а *произносим*, не ОЖИВЛЯЕМ, а *внедряем*...

Запятульки все чаще и чаще забирают у МЕНЯ МОЕ СЛОВО. Они присвоили себе право на создание слов. Очень давно они, и только они, имеют право толковать слова. Именно они своими симпатичными наманикюренными ноготками влезают мне в плотку и вырывают язык. Они и только они, под нудные завывания цитат из учебников вспарывают грудину и впиваются аккуратно украшенными стразами зубками мне в сердце. Разум оставляют мне, он им не нужен, да и, скорее всего, они его попросту не видят. Вместо языка мне монтируют скрипучую пластинку проржавевшего металла, подобную равнобедренному треугольнику, а вместо сожранного ими сердца — впаивают чугунно-ржавый параллелепипед с измятыми гранями. Куда в нынешнее время делись угли и змеи? Остался лишь металл правильной формы с изрядно проеденной ржавчиной краями. С таким реквизитом не будешь жечь сердца людей, а лишь придавливать их своими металлонасыщенными внутренностями, посылая струпьями гниловатой ржавчины. Но кого это волнует?

Запятульки присвоили и полностью узурпировали власть творить незыблемые правила создания слов. Они создали универсальный кодекс-канон, который стал достоянием ВСЕХ. Исчез индивидуальный акт созидания, для которого нужна ВОЛЯ, СВОБОДА и ЛЮБОВЬ.

Отныне ты должен заключать контракт с запятулками и строго следовать подписанному уставу творения слова. Причем тут ВОЛЯ, когда есть четкое правило, причем здесь СВОБОДА, когда есть определенный параграф, причем здесь ЛЮБОВЬ, когда есть кодекс? Зато сразу, всем, даром и никто не ушел обделенным. А кто попытался, тот получил, металл в глотку и в грудь.

Исчезло Слово, осталась информация. Исчезла Жизнь, осталось существование. Исчез Человек, рождающий жизнь, — остался Киборг, создающий информацию. Ранее СЛОВСО сумело обрести плоть, нынче запятули сумели из информации сотворить киборга, у которого грамматические мануалы заменили живое бытие Языка, того Языка, который только и способен вместить в себя не только слово, но и Слово и, кто знает, быть может, *само СЛОВО...*».

Всем встать! Оглашаем вердикт линейной коллегии запятунчиков! Счастливые Граждане сияющего Запятуноида! Приговором горизонтальной коллегии запятунчиков при полном одобрении вертикального комитета запятулек и с санкции архи Запятунологов «автор» сего крамольного «сочинения» осуждается на *Вечное Молчание* путем ликвидации традиционных органов «сочинительства» и органов, могущих служить нетрадиционным формами «сочинительства» с позволения сказать «автора» сего наипротивнейшего псевдо текстика.

— И все-таки, — вернулся я к разговору с мсье Ришаром после окончательной правки текста, — почему в мире запятуноидов не может быть единства? Все, что вы сказали ранее, слишком заумно. Давайте попробуем с начала?

— Хорошо, мсье Ольежь. Вот мое мнение: «Единства нигде нет». И Запятули должны были это предусмотреть.

— О чем Вы, мсье Ришар?

— О том, что всегда обязаны быть противники. И если их нет, то это означает, что их нужно создать, а не ждать, пока они родятся сами... неконтролируемо.

— Ага, эти самые диссиденты?

— Да.

— Говорящие языком запятунчиков?

— Ни в коем случае, мсье Ольежь. Ни при каких условиях! Вы это шедеврально подметили в своем тексте. Ведь они, помните, зеркало.... Или одно из зеркал, отражающих нечто третье.... Решать Вам. Не понимаете? Запятунчиков должно тошнить от языка диссидентов... органически тошнить, а не фигурально. Опять-таки, это просто читается в ваших строчках. Вы гениальны в том, что, ничегошеньки не поняв, сумели передать мою наиважнейшую мысль. Тошнота... И еще раз Тошнота.

— Но мсье Ришар! Тошнота очищает и свидетельствует, что организм Жив, а я рисую мир мертвых знаков. Мертвых знаков, которые в силу своей смерти полностью покорны... По крайней мере, в нашем мире мсье Ришар.

— Вы так думаете?

— Уверен!

— Ваша уверенность — это ваша одиссея с публикацией книги и мысли о счастливом финале нашего сотрудничества, мсье Ольежь?

— Да, это звучит убедительно. Но у меня остается вопрос. И связан он не с только с теми, кто судит, а кто исполняет приговор.

— Вероятно это самые свободные, честные и несчастные люди. Вероятно палачи и жертвы это высшие инстанции человечности в мире «сияющего Запятуноида». Но становится очевидным сей факт лишь на кануне казни. Вы ведь немного знаете Россию? Об этом писал кто-то из Ваших, из русских бардов... женатый на француженке. А пока до свидание. Как прочитаете — звоните.

Я понял, что речь идет о Вл. Высоцком. Но у него обнаружил лишь один стих имеющий отношение к нашему диалогу:

*Когда я об стену разбил лицо и члены
И всё, что только было можно, произнёс,
Вдруг сзади тихое шептанье раздалось:
«Я умоляю вас, пока не трожьте вены.*

*При ваших нервах и при вашей худобе
Не лучше ль чаю? Или огненный напиток?
Чем учинять членовредительство себе,
Оставьте что-нибудь нетронутым для пыток».*

*Он сказал мне: «Приляг,
Успокойся, не плачь».
Он сказал: «Я не враг —
Я твой верный палач.*

*Уж не за полночь — за три,
Давай отдохнём.
Нам ведь всё-таки завтра
Работать вдвоём». —*

*«Чем чёрт не шутит, что ж, хлебну, пожалуй, чаю,
Раз дело приняло приятный оборот,
Но ненавижу я весь ваш палачий род —
Я в рот не брал вина за вас, и не желаю!»*

*Он попросил: «Не трожьте грязное бельё.
Я сам к палачеству пристрастия не питаю.
Но вы войдите в положение моё —
Я здесь на службе состою, я здесь пытаю,*

*Молчаливо, прости,
Счёт веду головам.
Ваш удел — не ахти,
Но завидую вам.*

Право, я не шучу,

*Я смотрю делово:
Говори что хочу,
Обзывай хоть кого».*

*Он был обсыпан белой перхотью, как содой,
Он говорил, сморкаясь в старое пальто:
«Приговорённый обладает, как никто,
Свободой слова, то есть подлинной свободой».*

*И я избавился от острой неприязни
И посочувствовал дурной его судьбе.
Спросил он: «Как ведёте вы себя на казни?»
И я ответил: «Вероятно, так себе...*

*Ах, прощенья прошу,
Важно знать палачу,
Что, когда я вишу,
Я ногами сучу.*

*Да у плахи сперва
Хорошо б подмели,
Чтоб, упавши, глава
Не валялась в пыли».*

*Чай закипел, положен сахар по две ложки.
«Спасибо!» — «Что вы? Не извольте возражать!
Вам скрутят ноги, чтоб сученья избежать,
А грязи нет — у нас ковровые дорожки».*

*Ах, да неужто ли подобное возможно!
От умиленья я всплакнул и лёг ничком.
Потрогав шею мне легко и осторожно,
Он одобрительно поцокал языком.*

*Он шепнул: «Ни гугу!
Здесь кругом стукачи.
Чем смогу — помогу,
Только ты не молчи.*

*Стану ноги пилить —
Можешь ересь болтать,
Чтобы казнь отдалить,
Буду дольше пытать...»*

Не ночь пред казнью, а души отдохновенье!

*А я — уже дожидаться утра не могу,
Когда он станет жечь меня и гнуть в дугу,
Я крикну весело: «Остановись, мгновенье!»*

*«...И можно музыку заказывать при этом,
Чтоб стоны с воплями остались на губах...»
Я, признаюсь, питаю слабость к менуэтам,
Но есть в коллекции у них и Оффенбах.*

*«...Будет больно — поплачь,
Если невмоготу», —
Намекнул мне палач.
Хорошо, я учту.*

*Подбодрил меня он,
Правда сам загрустил —
Помнят тех, кто казнён,
А не тех, кто казнил.*

*Развлёк меня про гильотину анекдотом,
Назвав её карикатурой на топор:
«Как много миру дал голов французский двор!..»
И посочувствовал наивным гугенотам.*

*Жалел о том, что кол в России упразднён,
Был оживлён и сыпал датами привычно,
Он знал доподлинно, кто, где и как казнён,
И горевал о тех, над кем работал лично.*

*«Раньше, — он говорил, —
Я дровишки рубил,
Я и стриг, я и брил,
И с ружьишком ходил.*

*Тратил пыл в пустоту
И губил свой талант,
А на этом посту
Повернулось на лад».*

*Некстати вспомнил дату смерти Пугачёва,
Рубил — должно быть, для наглядности — рукой.
А в то же время знать не знал, кто он такой, —
Невелико образование палачёво.*

Парок над чаем тонкой змейкой извивался,

*Он дул на воду, грея руки о стекло.
Об инквизиции с почтеньем отозвался
И об опричниках — особенно тепло.*

*Мы гоняли чай,
Вдруг палач зарыдал —
Дескать, жертвы мои
Все идут на скандал.*

*«Ах вы, тяжкие дни,
Палачёва стерня.
Ну за что же они
Ненавидят меня?»*

*Он мне поведал назначенье инструментов.
Всё так не страшно — и палач как добрый врач.
«Но на работе до поры всё это прячь,
Чтоб понапрасну не нервировать клиентов.*

*Бывает, только его в чувство приведёшь,
Водой окатишь и поставишь Оффенбаха,
А он примерится, когда ты подойдёшь,
Возьмет и плюнет — и испорчена рубаха».*

*Накричали речей
Мы за клан палачей.
Мы за всех палачей
Пили чай — чай ничей.*

*Я совсем обалдел,
Чуть не лопнул, крича.
Я орал: «Кто посмел
Обижать палача!..»*

*Смежила веки мне предсмертная усталость.
Уже светало, наше время истекло.
Но мне хотя бы перед смертью повезло —
Такую ночь провёл, не каждому досталось!*

*Он пожелал мне доброй ночи на прощанье,
Согнал назойливую муху мне с плеча...
Как жаль, недолго мне хранить воспоминанье
И образ доброго чудного палача.*

Мне он показался излишне объемным и одномыслимым. И тогда я отправил Ришару

стихи, которые на мой взгляд отражали существо искажения Слова в мире Запятауноида. Ибо именно превращение «Слова» в «слово», *обинструкционование* языка я считал осью всей специфики трагедий Запятаунов. В общем, я выслал следующий стих:

*Когда великое свершалось торжество
И в муках на Кресте кончалось Божество,
Тогда по сторонам Животворяща Древа
Мария-грешница и Пресвятая Дева
Стояли, бледные, две слабые жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь Креста Честнаго,
Как будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зрим поставленных на место жён святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража? —
Или Распятие казённая поклажа,
И вы боитесь воров или мышей? —
Иль мните важности придать Царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?*

— Спасибо Ольежь. Это было очень поучительно. Но, знаете ли, свобода Слова обязана быть под диктатом точности. Слово не нуждается в инструкциях, оно дается сразу во всей своей полноте, тут вы правы, но, что же делать, когда нужно слепить в единую пирамиду микрофактики бытия. Иначе хаос, дисгармония и мерзость опустошения во славу сомнительного принципа «Я так вижу». Что скажете на этот счет?

— Месье Ришар, отвечу Вам не Я, а русский поэт

*Давай ронять слова,
Как сад — янтарь и цедру,
Рассеянно и щедро,
Едва, едва, едва.*

*Не надо толковать,
Зачем так церемонно
Мареной и лимоном
Обрызгнута листва.*

*Кто иглы заслезил
И хлынул через жерди
На ноты, к этажерке
Сквозь иллюзы жалюзи.*

*Кто коврик за дверьми
Рябиной иссурьмил,
Рядном сквозных, красивых
Трепещущих курсивов.*

*Ты спросишь, кто велит,
Чтоб август был велик,
Кому ничто не мелко,
Кто погружен в отделку*

*Кленового листа
И с дней Экклезиаста
Не покидал поста
За теской алебаstra?*

*Ты спросишь, кто велит,
Чтоб губы астр и далий
Сентябрьские страдали?
Чтоб мелкий лист ракиит
С седых кариатид
Слетал на сырость плит
Осенних госпиталей?*

*Ты спросишь, кто велит?
— Всесильный бог деталей,
Всесильный бог любви,
Ягайлов и Ядвиг.*

*Не знаю, решена ль
Загадка зги загробной,
Но жизнь, как тишина
Осенняя, — подробна.*

— Ольежь, но это же лишь подтверждает мои слова.

— Отнюдь месье Ришар, это утверждает правоту именно моей мысли.

— ?

— !?

— ???

— !!!

«Меньше знаешь — больше умеешь!»

Гело Шеудженико

Бонжур мсье!

Вы пришли на консультацию к экзамену? Но зачем?

Что? За знаниями? Ну-ну. Многие знания, многие печали, так? Ну, или почти так? Вы уже со мной согласились и сказали «Верно!»? Спешу Вас огорчить, на самом деле — «Не верно». Вернее, все-таки, верно, но от этого правильней не становится. Ибо, что есть знание, как не объемный реестр чужих ошибок и неудач? Это не получилось, то не срослось, там-то не проявилось. А оглавление к этому — краткий список инструкций: правильно так-то, эффективней вот так-то, быстрее вот этак. И что в результате? Шаблоны, схемы, таблицы действий, мыслей, фантазий. А где здесь творчество?

Нет, это Я Вас спрашиваю: «Где здесь творчество?». Правильно дети 21 века. Нет его. Ведь, когда человек знает. Что нечто сделать невозможно, он и не делает. А если знает что нечто нужно делать этак, он никогда не будет делать вот эдак.

Что? Нет, тупым быть не лучше. Ведь тупой это тот, кто ограничил себя в себе самом. А умный выходит за пределы своего тела, своей личности. Понимаете? Это тот, кто живет разнообразно. Что жизнь это миллиарды случайностей. Которые человек призван гармонизировать.

Что? Причем здесь экстрасенсы? Слушай меня, чадо двух случайностей и одной закономерной встречи. Каждый, пойми, каждый человек способен к созданию шедевра. Ему мешают только знания. Мешает начитанность. Нет, тебе не помешает. Нечему тебе мешать.

Как это так? Ну, так чтобы спастись от виселицы, надо сначала быть приговоренным к ней. Так и в создании шедевра. Надо сначала почувствовать себя Человеком, обрести желание творить, попробовать научиться... И испытать искушение научиться создавать шаблоны, и искуститься знаниями ошибок и успехом. А ты... Ну скажи... Кто такой Человек?

Мыслящее тело? Уверен?

Что? Организм с инстинктами второго порядка? Нет. Не кипятись, не грозит тебе виселица. Ведь ты еще не почувствовал себя Человеком!

Что, уже ощутил? И как оно?

Холодно???

Есть хочется?? Ммм... да... О чем это я? А... о творчестве. Человечестве... Шедеврах.... Ну, ну.... Мммм ДААА.

Так вот знание фактов оградит вас от неудач. Но оградит также и от Великих Открытий. Обретение навыков и умений поможет Вам избежать насмешек и издевательств, но не откроет секретов мастерства. Ведь истинное мастерство это то, которое ты создал сам. А то, что отточено на миллионах операциях у миллиардов учителей... Это знаете ли такое ремесло, которое к искусству, а тем более к искусству философии не имеет никакого отношения. Но кому охота ошибаться и выглядеть дураком?

Правильно, умным — это не надо. Поэтому и идем мы стройными колонами в тесных сплочённых рядах умников и топчем таких смешных, по-идиотски парадоксальных гениев...

Да уймись ты со своей человечностью! Не гений ты, нет. Ты студент! Разницу поняло?

Тело, с инстинктами второго порядка!

А кого я оскорбляю? Ты же Человек? Ну вот, я к тебе обращаюсь, так как ты сформировал это понятие.

Что? Издеваюсь... Ну, разумеется, издеваюсь, только почему ты подумал, что над тобой?

Аааа... вообще не подумал, ну да, это бывает, раз уж инстинкты второго порядка, так думать, действительно, не нужно... Больно это думать. Неуютно.

Почему? Ну, так ведь и придумать можно такое, с чем ты и будешь вычищен из среды умников и помещен под их подошвы со статусом дурака. А очень неприятно, знаете ли, когда по тебе ножками ходят, да на затылок норовят надавить, чтобы физиономия по самые уши ушла в грязь и дерьмо.

Откуда дерьмо? Оооо! Bravo! Отличный вопрос. Так ведь от умников по закону тяготения исходит. Сверху вниз и на тех, кто внизу... Известный закон курятника «Клюнь ближнего, капни на нижнего». Что это вы за истерили...

Ну да — уже время обеда. Ах. Я и забыл... Инстинкты разыграли... те самые... второго порядка. Свободны, месье... свободны, только вот сможете ли вы быть свободными... не знаю... не уверен... но так бы хотелось!

Впрочем, на экзамене посмотрим.

ВЛАДЫКИ ЗАПЯТУЛЕК: Запятунолог [1]

*«В Любви, как и во Власти: результат почетен и публичен,
а процесс до крайности неприличен и интимен»*

Нополеоно Буанопарто

В своей книге я сумел вскрыть политику Запятунов, показать пределы их социальности, обыграть их трудности и достижения. Но чего-то не хватало. Чего-то, что объединяло бы весь этот схематичный мир в единый живой организм. Живой... Организм... Орган... Орга...зм... Я хлопнул себя по лбу. Ну конечно! Не хватало любви! Однако, тут же одернул я себя, любовь повелителей запятых и владык кавычек, конечно, должна быть особенной. И тут начался форменный кошмар. Я как истый, пусть и русский, но, все-таки, француз, продумал сотни постельных вариаций этой любви — выходило как-то шаблонно и мало интригующе. Требовалось нечто концентрирующее бесчисленные вариации любви в некую смысловую точку, в небольшую сцену любви. Как ни странно — постель здесь была явно лишней.

Я перебрал варианты бругального, почти животного секса, перед моим взором порхали черно-белые картинки пуританского брака, пестрили красками и звуками обрывки латиноамериканских свиданий... все было чуждо запятунам. Все это, снова и снова думал Я, нужно собрать воедино, все это внешние формы, какой-то очень важной и пронизывающей весь мир запятуничков реальности. Понятно, что это реальность — любовь, но любовь какая-то особенная...

И вот, однажды, сидя на винной горе в странной учебной аудитории, которая снаружи была укутана сеткой солнечных лучей, бьющих сквозь тяжелые лапы сосен, тогда как внутри ее стен пыжилась жирная тьма, я украдкой наблюдал за милой в своем носатеньком очаровании сотрудницей Института. Я думал, до чего же может быть изыскана французенка. Я думал, как французенки с отвращением относятся к пропорциям своего лица, но с какой любовью смотрят за своей фигуркой и постоянно подчеркивают влажную звездность своих игривых глаз. Я видел сотрудницу на набережной в Ницце с подружками, наблюдал за ней в одном очень фривольном баре, где она веселилась со своим любовником. И я не видел тогда в ней ничего особенного... А тут, подглядывая, как она, сидя на свежем воздухе у входа в Институт, формирует «шапку документа», я смог уловить причину того восторга, который она вызывает у моих коллег-мужчин... Одновременно с этой мыслью сложилась ключевая идея главы о запятуничках... Это фабула *служебного романа*.

И

нструкция была чарующе изыскана, а от строгости расставленных знаков препинания Запятунолога пробирала мелкая, жаркая дрожь. После очередного наката сладкой истомы от прочтения текста и трепетного любования изысканностью шрифта, Запятунолог увидел очень сомнительное тире. Он томно, нежно и ласково исправил тире на двоеточие. Движения его пальцев и легкий туман в полуприкрытых глазах во время сего созидательного акта были точь-в-точь такими же, как те движения, когда он мягко поправлял положение

талии своей любовницы во время иного созидательного акта, превращая непримиримую жесткость тире-талии подружки в плавность двоеточия, после которого оба предвкушали сладость возможных вариантов совместного единения.

Приближалась кульминация. Меж двух пламенеющих очагов узаконенной страсти, между левым реквизитом должности с датой и правым реквизитом Фамилии с инициалами должна была появиться трепетная подпись Запятунолога. Предошущая этот возвышенный акт соития с документом, это свободное в своей необходимости озорство, когда посередине ровного типографского шрифта черного цвета — вот, вот возникнет ярко-синяя, извивающаяся и призывно манящая своими шаловливыми изгибами подпись... подпись, после которой инструкция станет его, Запятунолога, собственностью, и он полностью сольется с ней, овладев всем текстом, смыслом и красотой документа. Отныне и навсегда покорного ему.

Запятунолог прикрыл глаза. Он в последний раз ласково пробежался пальцами вдоль края листа, мягко, но по-мужски властно, прижал левой ладонью инструкцию, а правой неуклонно, но медленно оттягивая удовольствие, поднес напряженную чернильную ручку к сверкающему белизной пространству между нижними реквизитами Инструкции, и... одним мощным, энергичным рывком, стремительно, на грани слома пера и разрыва бумаги поставил свою роскошную подпись.

Запятунолог измученно отвалился на спинку кресла, его мышцы мелко дрожали, сердце бухало, как молот, легкие жадно всасывали воздух, волосы на руках стояли дыбом, а лоб обильно покрылся испариной. Запятунолог был полностью опустошен и даже, где-то пресыщен. Непослушными, поддрагивающими пальцами он нажал на кнопку интеркома:

— Запятуленок[2], зайди ко мне, девочка. Возьми Инструкцию и передай ее по отделам.

— Слушаюсь, месье Запятунолог!

— И еще... я, пожалуй. Отдохну... вздремну пару часиков... устал... не беспокойте по пустякам...

— Будет исполнено, месье Запятунолог!

Запятулечка держала в своих прелестнейших пальчиках инструкцию и чувствовала, как в висках начинают колотить игривые молоточки... Помимо ее воли, быстренький, маленький язычок то и дело сверкал между ее сахарными зубками и оставлял влажноватый след на полных, пересохших от волнения губах. Спустя секунды с томным «Ах!». Запятуленок передала факсом Инструкцию с подписью шефа по отделам (с каждым рывком бумаги в факсе зрачки Запятуленка расширялись, молоточки били уже отбойными молотками, язычок носился по губам как лодчонка в шторм, томные «Ахи» становились все чаще и тише, пока не превратились в легкое стонущее хрипение, оборвавшееся с последним рывком бумаги, зуммером факса и громким «АААА!!!» Запятуленка).

Прошло несколько часов, и порядком изгвазданная подписями и штампами подчиненных Запятунолога, Инструкция дошла до самого младшего по должности Запятунчика. Запятунчик, не глядя в присланный документ, привычно его скомкал и отработанным движением хладнокровно выбросил в мусорную корзину. Ему нужно было работать. Запятунчик шлифовал цифры в отчете, который станет базой для доклада Запятунологу, на основе которого будет разработан план жизни учреждения на четыре года вперед. Запятунчик выправлял цифры и скоро должен был гармонизировать количество запятых на один квадратный дециметр текста, а учитывая разницу шрифтов, это было нелегкое дело. К нему нужно было подойти ответственно, ибо документ, в конечном счете,

пойдет на подпись самому Запятологу. Одним словом, самый Младший Запятунчик должен был работать, а не читать всякие бюрократические изыски начальства. Бездельничать, игриво поигрывая в руках потертой Инструкцией, ему явно было некогда.

Вот когда лет через 20 он станет Запятунологом, — думал Самый младший Запятунчик, то сможет и расслабиться, да не с инструкцией, а с самой что ни на есть симпатичной Запятулечкой. Уж тогда точно на его столе будут лежать не бумажки, а она Запятулечка... А пока работать, работать и ставить точки с запятыми, согласно установленному в учреждении порядку.

— Скажите, месье Ольежь, Вам нравится наше сотрудничество?

— Оно меня удивляет.

— Но это приятное удивление?

— Скорее необычное.

— А необычность приносит Вам минуты волнительного счастья?

— О чем вы, месье Ришар?

— О Вашем вкладе в мировую литературу. И о вкладе в деятельность нашего клуба. У нас серьезные связи и влияние. Хотите получить Нобелевскую премию по литературе?

— Если получу, то не откажусь от нее, но просить о ней Вас не буду.

— Месье Ольежь... Как вы считаете, за что Я плачу Вам деньги?

— За книгу, вероятно?

— Нет.

— За смыслы?

— Нет.

— За текст книги со смыслами?

— Я плачу Вам за свое удовольствие.

— А члены вашего клуба?

— Они платят мне за свое удовольствие.

— А кому плачу Я за свое удовольствие?

— В некоторых профессиях, например, в политике, в истории, в литературе, испытывать удовольствие — это путь к непрофессионализму и быстрому истощению. Об этом Вам скажет любой профессионал из Булонского леса... после 12 ночи.

— То есть?

— Спокойной ночи, месье Ольежь... приятных снов.

[1] Однажды в Париже.

[2] Ласково-интимное наименование Запятулечки (подробнее см. Приложения).

РЕВОЛЮЦИЯ (Февраль)

*«Революция за два дня прodelывает работу десяти лет
и за десять лет губит труд пяти столетий».*

Поль Валери

Приближается время революционных юбилеев как годовичных, так и столетних. Это прекрасно понимают в моем первом вузе в окрестностях Парижа. Меня попросили прочитать в связи с этим лекцию, посвященную особенностям русской революции. Когда я почти подготовил материал выступления, вопреки своим обычным правилам мне позвонил Луи Ришар.

— Ольежь, ты не мог бы усилить революционный элемент в структуре современного понимания запятологии?

— Но я сейчас работаю над иным.

— Над чем же?

— Смысл русской революции.

— Попробуй провести разбор революции как слова и обыграть его в различных, почти театрализованных постановках, где декорации — это знаки препинания, а ведущие актеры, слегка изменяемые структуры речи. В результате, сведи весь пафос революционности к грамматическим примерам и их ловкой эквилибристики в рамках одного строго заданного текста.

— Послушайте, но я ведь не филолог и, боюсь, получающиеся у меня тексты....

— С моей точки зрения вполне окупают вложенные в них средства. Я жду материал.

— Но я должен его произнести, по заказу Института в рамках публичной лекции. И не намерен монтировать в книгу.

— Ольежь, я же говорил, поступайте с материалом, как Вам будет угодно, лишь сбросьте мне готовый кусок. Потом определимся, что с ними делать.

— То есть это заказ ЗА пределами книги?

— Да. И оплачивается он тоже отдельно. Можете не морочить себе голову запятулями, но структуру игры в знаки препинания — сохраните. До свиданья.

Я выступил с публичной лекцией для Института. После, недолго думая, уверенный в провале дела, выслал стенограмму выступления Ришару. К моему глубочайшему удивлению он был в восторге. Чего нельзя было сказать о студентах, которые, вслушиваясь в мою словесную эквилибристику, с ужасом видели в этой лекции прообраз их позора на приблизившихся экзаменах. Я, честно говоря, так и не понял ни ужаса студентов, ни радости Ришара. Я понял лишь премию от нашего директора Франсуа Эмонома. Было тело за кафедрой? Было. Был звук? Был. Были тела в аудитории? Были. Был этот вид работы учтен в контракте? Нет. Тогда извольте получить премию за переработку.

«Мы не знаем даже элементарных смыслов термина «Революция». При этом, понятие «революция» является ныне одним из самых популярных концептов политологии и журналистики. Несколько десятков довольно странных, с точки зрения ортодоксальной исторической науки, и вполне банальных, с позиций представителей «Теории Заговоров», оранжерейно-цветных событий в Югославии, Грузии, Украине, Египте, Киргизии и Ливии

уверенно индексируются обществом как события революционные. Многочисленные практические шаги сделанные, например, в Украине, на основе логических выводов из «безобидного» академического термина «Революция», привели к масштабным человеческим потерям и изменением государственных границ. Причем сам концепт «Революция» стал активно использоваться для обозначения публичного протеста со стороны маргинальных, фашиствующих группировок и общего недовольства экономическим положением со стороны рядовых граждан, еще до свержения легитимной государственной власти в лице президента Украины, до начала гражданской войны на Востоке Украины, до решительных шагов народа Крыма против «майданной вакханалии» в Киеве. Одним словом, термин «Революция» возник до появления самой революционной ситуации, до появления революционных событий. Во многом накал театрализованных карнавалов с человеческими жертвоприношениями со стороны «Лидеров» Майдана объясняется именно тем, что локальные акции неповиновения со стороны отдельных групп экстремистской молодежи и социальных маргиналов (лиц без определенного места жительства, уголовников, безработных) были при помощи информационных технологий облечены смыслами революции. Голое тело короля было окутано шлейфом слов, интонаций, образов, символов, которые и придали ему не существовавшее в физическом мире реальности королевское величие. И лишь после этого ситуация «Майдана» стала под воздействием умело созданных иллюзий трансформироваться в реальность. Как говорится, идея, овладевшая массами, становится материальной силой.

Украинский пример (да и не только украинский) показал огромную притягательность термина «Революция», подчеркну, термина, образа, символа, для больших масс населения, а также совершенную неспособность того же населения четко представить себе границу между «Бунтом» и «Революцией», между «Фашистским путчем» и «Революцией», между «Гражданским выражением своего несогласия» и все той же «Революцией». Причем неспособность увидеть разницу не просто между отдельными родовыми знаками «Погром» и «Бунт», но и такими, между которыми есть принципиальная разница, «Европейский выбор» — «Революция».

Усилившаяся дискуссия в среде российских интеллектуалов вокруг событий январь-марта 1917 г., юбилей которых так близок, и февраля-ноября 1917 г. — чей юбилей достаточно близок, показал потрясающую легкость оперирования категориями, понятиями, терминами и концептами, связанными с Революцией со стороны тех, кто просто обязан быть хранителем связи между символами и физической реальностью. Игра в революционные словечки, невыносимая легкость бытия очень грозных событий в текстах многих российских экспертов — ужасает. Ведь игра в слова, как продемонстрировала серия цветных «якобы революций» самая опасная игра, в которую может сыграть интеллектуал. За такой игрой стоят вполне реальные социальные, политические и национальные катаклизмы. В этой связи смешными и наивными выглядят отсылки почитать К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, П. Кропоткина, В.И. Ленина, Л. Троцкого, П. Сорокина... Дж. Рида. Конечно, классико осмысления революционного бытия, а во многом, и очень успешных практиков, штудировать стоит, но вот так просто текст «Государство и Революция» как кальку накладывать на год 2013 вряд ли стоит. Также не стоит трактовать события 1917 г. исключительно в формате одного из классиков (это подтвердит любой историк-профессионал). Ведь реальность (и это подтвердит уже не только историк, но и философ) много богаче и много разнообразней, чем любая самая изошренная, мега-объективная теория. Но вот ведь какая штука, историческая

реальность это, по сути своей, ничто. Это реальность исчезнувшая, пропавшая и в своей гармонической целостности никогда уже не могущая быть. Ее осколки в форме предметных (имеющих вес и протяженность) артефактов будут существовать, ее отдельные следствия, уже менее предметные, но все еще крайне объективные, такие как показатели роста населения или структуры экономики будут иметь место в объективной, доступной нам повседневной реальности. Но вот самой этой реальности, реальности исторического события — не будет. Останется правда текст этой реальности. Тот самый текст, который будет создавать историк. Тот самый текст, которым историк будет завоевывать свое понимание прошлого у максимально большего количества человек. Любая история это интерпретация артефактов и показателей. Это комбинация разных смысловых полей разных артефактов и комбинаций в разных пропорциях и масштабах. Где параметр истинности и критерий объективности находится в сфере антинаучной: в сфере веры и любви. Верят и любят читать историка А с интерпретацией Б, значит историческая реальность будет считаться А_Б, пусть даже историк К уличил историка А во лжи, пусть даже интерпретация Б с аргументированным привлечением артефактов будет доказана историком К как неумелый подлог, пусть будет выдвинута интерпретация Т. Все равно если любят и верят А_Б, именно она будет считаться истинной в отличие от К_Т. Причем не просто будет считаться, а будет выступать как очень материальная сила, властно меняющая контуры государства, ценности гражданина, уровень его экономической жизни и прочее. Уж сколь было говорено, что Л. Гумилев страшно ошибался в предметных своих изысканиях относительно хазар. Уж сколько лет существует альтернативная, более аргументированная точка зрения Плетневой. Но Л. Гумилева любят и ему верят. И реальность, связанная с хазарами в душах миллионов читателей, близка к интерпретации Л. Гумилева.

В XXI веке (по крайней мере, в XXI, а может быть, и много раньше, если не всегда историк обязан ориентироваться на столь далекие от науки сферы как любовь и вера. Конечно, если он хочет, желает творить истины истории, а не выступать чуть пропылившимся артефактом с биркой «Объективного историка», вознесенного под этот стеклянный колпак узким кругом профессионалов от исторического цеха. Можно ли совмещать эти две ипостаси? Есть ли гарантия, что тебя будут читать, а, следовательно, тебе будут верить, и тебя будут любить, если ты будешь строго (но не занудно и мелочно) следовать осколкам навсегда исчезнувшей вселенной под названием «История»? Вопрос открыт. Но это не значит, что от него стоит трусливо отмахиваться, натягивая желчные маски сухого академизма с вызывающими хохот у практиков лозунгами: «Все для науки, все ради истины». По крайней мере, при обращении к понятиям «Революция», «Война», «Родина» совершенно нельзя игнорировать факта высокого значения для настоящего и будущего написанных тобой слов. А значит, надо дважды и трижды обдумывать, что за реальность стоит за используемым тобой словом-знаком, какие пласты бессознательного ты вытягиваешь из пучин прошлого, что за химеры и ехидны будут извиваться под лучами твоего академизма. И совершенно необходимо понимать, что твоя историческая интерпретация может стать материальной силой, но это будет не более чем интерпретация, реконструкция, а отнюдь не реальность, объективная реальность, некогда существовавшая и открытая тобой или твоей научной школой.

Обратимся теперь все-таки к такой реальности как «Революция». Просмотрев многие публикации, как историков, так и философов, предстоит сделать удивительный вывод. Коллеги согласны видеть революцию не в ее реальности, пусть и псевдо реальности

исторических осколков, а скорее, как революцию согласно авторитетным текстам. Является ли арест Временного правительства революцией? При ответе на данный вопрос идет палитра мнений... нет, не современников и даже не мнений некогда живших людей, и даже не интерпретация известных артефактов. Идет интерпретация классических произведений, опубликованных в разные годы и разными авторами. А уж после интерпретации таких текстов идет подтяжка интерпретаций артефактов и процессов к увиденной в текстах истине. Сыплются цитаты К. Маркса, В. Ленина, интерпретация артефактов и следствий сравнивается с цитатами,... а дальше дело вкуса, то отбрасывается цитата, а то и артефакт исчезает как Шагренева кожа, чтобы всплыть на ином витке ученого спора. Эта «Игра в бисер» демонстрирует отсутствие самой физической реальности, которая имела место быть. И говорит о реальности лишь в головах спорщиков. Почему? Да потому что, когда человек запихнет руку в огонь, он не будет сверяться с медицинским справочником: «Что означает эти вздутия кожи на руках, и что за поразительные ощущения в нервных окончаниях?», «Кажется это так называемая «боль», так, по-моему, говорят не специалисты?». Конечно, нет! Он первым делом выдернет руку из огня и начнет на нее дуть или охлаждать, махая ей во все стороны. И никакие слова о том, что прошлое это прошлое и, нужна скрупулезная точность в реконструкции этой реальности, на него не подействуют.

Разговоры о Революции в среде историков именно таковы. Рука уже в огне и нужно очень точно понимать, что делать дальше, а не играть в слова, тасуя артефакты как колоду карт. Человек ощущает боль, а историк обязан ощущать событийность. Многие поступки Человека основаны на инстинктах, иначе — смерть, а многие поступки ученого должны быть основаны уже на «академических инстинктах» — иначе новый «Майдан». Для осознания таких инстинктов, конечно, нужны годы практики и тренировок, чтения классиков и работа с предметными остатками прошлого... Но нужны ли они для формирования самих инстинктов? Предполагаю, что нет. И продемонстрируем данное предположение на примере работы с «революцией как реальностью».

Итак, отбросим классические труды и авторитетные теории (вместе с не менее авторитетными гипотезами и постулатами). Что есть Революция, если мы говорим о ней применительно к событию прошлого? Уже в этом вопросе кроется очень забавный парадокс. «Применительно к событию прошлого?». Это значит, к революции? Но есть ли такая физическая реальность как революция? Убийство да, вот оно. Смотрите вот ОН — убийца, вот ОН — жертва. Был живой человек, стал труп. Билось сердце и вот оно не бьется. Тут есть предметика, есть объективное пространство (метры, сантиметры...), есть объективный показатель времени (утро, день 13 часов сорок минут), есть движение (падение тела, закрывающиеся глаза...). Хорошо, а если такая реальность как политический переворот? Да, конечно, вот, вот сейчас Николай II подпишет указ об отречении, и символ государственности Российской Империи сменит свой облик, изменится путешествие бумаг бюрократов, появятся новые политические лозунги, новые печати. Здесь есть фиксация в пространстве (кабинет царя, Таврический дворец и прочее), есть время (утро, день 13 часов сорок минут), есть движение (рука императора прикасается к бумаге, капли чернил высыхают на документе). То есть следует четкая фиксация, которая может быть подвергнута доказательству, может быть фальсифицирована, может быть оспорена, но она имела место быть в объективной реальности: в объективном пространстве, объективном времени и объективном движении.

А что есть революция? Каковы ее предметные характеристики? Каковы ее фиксаторы,

ее якоря реальности, которые позволяют сказать: «Вот ее нет, а вот она есть. Вот, смотрите, она чуть-чуть заметна, а вот, она уже почти не заметна»? И убийство (вытащил трупки аквариумных рыбок, которых заморил голодом — убил), и переворот (взял и перевернул книгу, вещь одна и та же, но теперь можно на нее и чайник поставить и колбаску порезать — переворот, однако), нам знакомые понятия, они видны нам из нашей обычной повседневной жизни, и мы можем рассуждать о них совершенно свободно, но вот революция дело другое. В жизни она как-то нам обычно не встречается. Как-то противоестественна она нашему личному бытию, как регулярное явление. Вот оно. Противоестественно! То, что противоречит естеству, происходит вопреки обычному ходу вещей, обычной цепочки маленьких, влияющих друг на друга фактивов и строго закономерной случайности упорядоченного хаоса общения, например, с женой. Революция же это нечто за пределами естества. Революция — это запредельность в чистом своем виде. Но если это — запредельность, то, о каком же объективном пространстве, или времени, может идти речь? Запредельность, от того и запредельность, что она вне обычного времени, пространства или движения. Следовательно, как физический процесс революция не может быть зафиксирована. Может быть, зафиксированы отдельные осколки революции, но отнюдь не она сама. Точно также как фиксируются проявления деятельности ума, но сам ум ни при одном вскрытии человеческого мозга так и не попал под скальпель хирурга, но кто же станет утверждать из-за этого, что сознания не существует?

А как отличить в таком случае честному, ортодоксальному, стопроцентному эмпирику осколок революции от структурного элемента политического переворота? Ведь не может палец быть частью сознания? Так и физический, вполне объективный политический переворот не может же быть частью революции, ибо предельность очень сильно должна отличаться от запредельности, иначе они тождественны друг другу, что, как мы выяснили — абсурдно? Отличается ли одно событие в физическом мире от другого исключительно по внешним признакам? Да такое бывает, но отнюдь, не всегда. Так, например, убийство может быть умышленным, а может быть и не умышленным. Одна и та же поднятая рука с пистолетом, один и тот же выстрел, одно и то же падающее тело с закрывающимися глазами. Одно и то же убийство? Отнюдь оно может быть подготовлено специально, в соответствии с определенным планом, а может быть и случайной, глупой шуткой пьяного отпрыска богатых родителей. Внешняя картинка одна, а существенная для понимания картинки глубина — иная. Также одинаковые по форме действия вооруженных групп могут быть, все-таки, очень разными по существу.

Представляется, что о революционности того или иного конкретного события следует заключать из объективной фиксации этой самой запредельности. И кроется ключик к ларчику в столь запредельных, далеких от физики планеты Земля реалиях как мифы и идеи. Доказать свою силу и значимость, поставив к стенке «фараона», который прежде тебя избивал в полицейском участке — это конечно не акт революции. Совокупляться коллективно, публично на улице удовлетворяя мгновенно возникшее половое желание, это тоже совсем не акт революционности. Необходимо опираться не столько на то, что делает участник исторического события, а что его мотивирует, какая идея ведет его и заставляет умирать. Идея «стать европейцем», которая превращает Человека в озверевшее животное, это далеко не та же самая идея «сделать всех людей счастливыми». В первом фиксируется предельность, юридическая осуществимость. Она не совершает акта противоестественного хода вещей. Механизмы ее осуществления вполне понятны и в рамках обыденной

естественной жизни. А вот «сделать всех счастливыми» это уже запредельность, это акт вневременной, над обыденный, за пределами власти или политики.

В этом смысле отречение Николая II, маневры династии Романовых, создание Временного правительства, мероприятия по созыву Учредительного собрания в 1917 г. не могут с нашей точки зрения носить характер революционности. О чем идет речь? О политическом перевороте, о властной интриге, о манипуляциях крупных финансистов, об играх разведслужб.... Но это никак не революция. Революция крылась в идее тотального равенства и воплощалась в самой структуре построения любого мало-мальски значимого вопроса. Революция это крестьянская община, давшая парадоксальную политическую обертку смутным религиозным чаяниям миллионов горожан. Конечно, свержение Временного правительств осенью 1917 года это революция, это революция в своих запредельных юридических документах: «О мире» и «О Земле». Она с трудом вмещается в повседневность, ее большая часть, ее лозунги, призывы ориентированы именно на совершенно противоположный, алогичный мир без времени, пространства и движения. Вернее мир, где эти реалии имеют свой совершенно необычный характер и формы. Революцию нельзя остановить, ведь она потому и революция, что не имеет ничего общего со стандартами профанного бытия. Многочисленные призывы «революционеров» того времени, о том, что пора остановить революцию, перевести ее в русло Учредительного собрания, сетования, что революция чересчур затянулась, что революция разрушает государство было проявлением как раз антиреволюционности, отсутствием чувства сверхчувственного и, конечно же, они проиграли свои лозунги, смыслы, символы, а многие и свою жизнь.

Для понимания революции, опираясь не на конкретный текст или событийность, а на то, чем мы владеем постоянно, на средства нашего ума и повседневного опыта, рискнем сделать еще несколько заключений. Мысля революцию (ибо понять революцию исходя из нашего вывода о ее запредельности — значит самому получить прописку в этой самой запредельности, что, учитывая безусловный характер телесности нашего Я, от которого мы можем абстрагироваться только в результате смерти — совершенно исключено, по крайней мере, здесь и сейчас) стоит признать, что революция выступает, как некий процесс, и как часть иных процессов. При этом являясь, частью других процессов, имея характер запредельности, она неизбежно может быть лишь частью иных запредельных процессов, никак не смешиваясь с обычным ходом вещей. Прежде всего, это конечно жизнь идей, предметная сила которых так наглядно продемонстрировали националисты Киева, это мифотворчество и конечно же настоящее искусство. Политика как сфера достижимого не может считаться частью революции, ибо оперирует исключительно сиюминутными физическими реалиями, другое дело, когда политика формируется как сфера возможного, исходя из которого, образует императив должного. Но это даже большая редкость, чем «честный и порядочный деспот». Разовые случаи такого действия нам сохранила история, и они получили в ней ярлык «великое»: Великая Английская революция, Великая Французская революция... Великая Русская революция. Великое, сиречь — неохватное, не могущее быть понятым и осмотренным. Иначе это просто большое, значительное, крупное. Великое, значит в основной своей массе запредельное, а значит и революционное. Причем тяжесть революции властно втягивает в круг своего процесса и частные судьбы, и маленькие исторические парадоксы, и знаковые дворцовые интриги, придавая им неизреченную глубину и смысл. Из революции (и только из нее!) человечество получает новый взгляд на

мир, новое искусство, новые смыслы. Из кирпича можно получить только осколки кирпича, из груды кирпичей можно получить кирпичную стенку. Из кирпича не сделаешь кастрюлю с украинским борщом, а из груды кирпича не получится роман-эпопея «Война и Мир». Подобное творит подобное, но чаще всего подобное творит лишь свою ухудшенную копию. И лишь революция — чистая запредельность, выводит систему подобий и тождественность стандартов повседневности в иные формы, расчищая им путь для изменений и взаимопроникновения. Революция есть единственно возможный акт из естества создать сверх естество, или окончательно его погубить, это единственно возможный путь для совершенствования, и это путь насилия. Революция означает, что путь естества окончен, что он исчерпал все точки и возможности роста, что изменения ведут исключительно к регрессу, что необходимо допустить в мир запредельное. Это означает, что грядет катастрофа и что будет после нее — размытые глыбы некогда великой цивилизации Мохенджо-Даро или трансформация сохи в ядерное оружие при жизни одного поколения — неведомо. Запредельность приходит только одним способом через слова тех, чья профессия смело смотреть в бездну идей, она приходит через слова нас с вами: историков, философов, писателей и, в конечном итоге, только нам решать изменяться этому миру или революционировать.

Вы не согласны? Вы отказываетесь от этого бремени? Ну что же, вы уже сделали выбор и согласились с одним из вероятий будущего. А оно, будущее (вы не можете не согласиться с этим) всегда приходит очень быстро, быстрее прихода будущего только превращение настоящего в прошлое, и этот факт, пожалуй, единственное, что пока еще никому не удалось революционизировать... почти никому, ведь *Вы еще молчите?*».

ДЕНЬГИ И ТВОРЧЕСТВО (Март)

*«Можно смотреть на деньги сверху вниз,
но нельзя упускать их из виду».*
Андре Прево.

Недавно прочитал на сайте, где тешат свое тщеславие графоманы небольшую новеллу крымского автора:

«Ах, как писалось в том первом от начала и до конца русском марте. Так, пожалуй, не писалось никогда. Карандаши плавилась от усердия, а смыслы толпились в мозгах и в жуткой давке истекали с кончиков пальцев на бумагу. Блэкаут был в самом разгаре, но в самом разгаре было и творчество. Ведь не мыслимое дело! За каждую статью обещали выдавать солидные деньги. Да что там обещали, ведь выдавали премии в форме надбавки к зарплате по 30 процентов. Когда нам объявили, что будут ежемесячные премии за ежемесячные статьи в научных (желательно серьезных) журналах, мы хохмили. А вот поди ж ты — оплатили. Когда я принес премию — жена расплакалась. Впервые за десять лет научной карьеры государство наградило деньгами за научную активность, а не ты сам оплачивал эту самую активность. В прежней державе ты был должен всем, и никто не был должен тебе. Нравится писать статьи? Нравится быть кандидатом наук? Ну, так плати за удовольствие. Сначала в редакцию журнала, потом другим, тоже, плати. А тут вдруг кто-то стал должен тебе. Оплатили раз, оплатили два. В декабре выплатили большие деньги за публикацию в *очень авторитетном* журнале. И вот, результат налицо. У нас появился в квартире газ и некоторое газовое оборудование.

Выключили свет и сказали: «Не ждите, что включим». Ну и что, — сказал я в потухший экран телевизора. Уселся на кухне, где большие (видимо украденные прежними хозяевами квартиры из универмага), витринные стекла, давали обилие дневного света. Подо мной табуретка, которую я сделал из отходов крымской сосны, пошедшей на строительные леса (красил, лакировал тоже сам — бедные, однако были в прежней державе доценты). Передо мной венский стул из итальянского каштана, судя по клеймам, его сработали несколько позже того, как повесили Б. Муссолини, но раньше выпуска первых машин из серии Fiat Nuova 500 (также лично реставрировал, оттирая его от праха времени, насыщая цветом, и тщательно лакируя). На стуле я разместил желтоватую газетной фактуры бумагу для записи текстов.

Почему не на столе? Так это очень просто. Из мебели на кухне — только шкафчики, новенькая газовая плита, да холодильник с мойкой. Зимой стекла кухни, а по сути, веранды, покрываются коркой льда. Так что заскочил, поставил на плиту кастрюлю и убежал греться в гостиную. Но в моем случае был азарт охоты за дневным светом. Отсюда крымский табуретик и австрийское мебельное чудо. Вопрос с холодом решился просто: три пары шерстяных носков (работа старшей тещи, которая ошиблась с размером, сотворила носочные чудища, размера этак 53-го, потом где-то 50-го и, в конце концов, связала из толстенных канатного вида ниток носки на мой 45-ый, но я ей очень благодарен, три слоя шерстяных носков — это сила!), свитер из ангоры (искусное творения гения моей матушки), штаны с начесом (спасибо младшей теще, которая на какой-то барахолке купила фирменные

спортивные штаны для горнолыжников со Швейцарских Альп), телогрейка и украинский глечик с горячей мадерой (кофе в самодельной алюминиевой турке — не в счет).

Я пишу карандашом на желтоватой дешевенькой бумаге (ручка от холода застывает, а карандаш сохраняет бодрость). Пишу высокие слова о жизни духа на склонах Гиндукуша, о трагедии пророков Израиля, об интеллектуальном шутовстве Эллады и коварстве Хуася. Когда я дорисовывал концепцию развития китайской предфилософии, дневного света стало так мало, что слова стали напоминать иероглифы, своими угловатыми карандашными росчерками пугая смыслы и знаки в моей голове. Какое-то время, держа вдохновение, я писал на ощупь. Было тепло, мадера бурлила, темнота открыла свет китайского философского чуда, и я строчил строчку за строчкой, как Островский, держа текст в голове, и сразу перенося его на бумагу, не видя, а лишь мечтая о результатах своего труда.

На кухню заглянул тесть. Крякнул и принес две свечи, предложив выпить пива. Я согласился и на первое, и на второе. После пива и при свете свечей китайцы показались очень скучными и унылыми. Я отложил в сторону Восточные философии и стал с азартом лепить кентавра под заказ: соединяя философию, экскурсионное дело, Ялтинскую конференцию 1945 года и лозунг «Крым Наш». Было весело. Кентавр получился уверенный и лихой, а я получил за него три тысячи. Но за китайцев получу только через два года и то, может быть, тысяч десять, если предварительно вложу тысяч пять, но ведь надо глядеть в будущее.

Ночью около 3-х утра дали свет, и я переносил тексты с желтых листков на монитор компьютера. Текст, написанный вслепую, был забавен и хранил аромат мадеры с сильным запахом парафина. А вот кентавр превратился в схему и таблицу. Каждому свое, однако. Около 6-ти прикемарил, но уже в семь проснулся и повел, по тихим улочкам приморского городка, дочку в детский сад... впереди был еще один день творчества с деньгами».

Я задумался, и уже у нас выключили свет. Терроризм, однако, вещь интернациональная, — подумал я и попробовал ощутить творческий азарт безвестного крымчанина. Честно говоря, кроме огромного желания выпить мадеры, ничего не ощутил. Вместо мадеры выпил крепкого кофе. Когда свет восстановили, я вновь порывлся в Интернете, найдя несколько обрывков текстов, которые все тот же неугомный крымчанин презентовал как отрывки своих мемуаров. Читать их было скучновато. Но когда я вышедши на улицу, забежал в свою любимую кафешку у главного порта нашего Лангедока... то скачанные файлы приобрели особенный смысл.

Мой столик у окна. Это даже не столик, а малютка-столешница с невыносимо вычурной ножкой. На поверхности этой крохи умещаются только чашечка кофе и мой невеликий планшетик. Я охватываю столик обеими руками и гляжу в окно, вернее, в большую панорамную витрину, слегка скошенную внутрь здания и очень даже угрожающе нависающую надо мной... но мне нравится.

В таком стеклянном аквариумном чудовище: отражаюсь Я, отражается мерцание экранчика планшета. Свет экранчика озаряет мое лицо. Создается иллюзия, что нас в витрине отражается трое: Я, экранчик планшетика и светящееся лицо, которое почему-то уверенно, что оно, светящееся лицо, это — Я. Можно бесконечно играть в наслоения реальности: Я, экранчик, отражение экранчика на моем лице, мое лицо на витрине и экранчик в глазах моего лица, которое пытается всем доказать, что оно не лицо, а Я... Отражение отражения и вновь отражениЕ отражениЯ отражениЙ отраженноГО чего-то... А

может просто окно бликует бликами на моем лице? И все? С трудом в этих бликующих бликах и отражающих отражений угадывается столик, чашечка с кофе и, временами, прохожие по ту сторону этой отраженной и бликующей имитации жизни.

«Тьма по дороге из Симферополя в Ялту — совершенная, абсолютная. Не видно ничего. Тьма в салоне автобуса. Тьма за пределами автобуса. Лишь врезаются в глаза столбы света от пролетающих на встречу автомобилей. В такие мгновения, кажется, что твои глаза таранят вскинутые как рыцарские копыта телеграфные столбы. После чего снова тьма. Десятки деревушек вдоль трассы затаились во тьме. Спустя какое-то время ты начинаешь понимать, что тьма не однородна, она бывает разная. Тьма бывает маслянистая, черная, но когда вспыхивают где-то поблизости, рядом с проносящимся автобусом фонарики случайных прохожих — тьма становится до обидного серой.

Чем выше наш, подержанный представитель индийского автопрома второй половины XX века с громким названием «Эталон», карабкается вверх по серпантину, тем более тьма становится похожей на густые вуали фиолетового цвета, они окутывают тебя, трепещут от каких-то своих таинственных причин, иногда плотно наслаиваются друг на друга, а иногда слоями отпадают с твоих глаз.

И совсем уж странная тьма та, что вблизи от горного перевала. Справа появляется всеобъемлющая туша Чатыр-Дага, и она буквально выдавливает тьму своей сверкающей под звездным светом снежной вершиной, а уж если в дело вступает луна... в восхищении не мудрено и задохнуться. Взлетев на перевал, ты охаешь и ахаешь, увидев вместо усеянного тысячами огней пространства побережья с городками и поселками — лишь мрачную алуштинскую котловину, где даже луна и звезды не в силах ничего осветить. Вновь тьма и тучи. Но мрак внешний рождает огонь внутренний. Мелкие, почти не уловимые прежде мыслишки, вдруг обретают силу и мощь сверхновой звезды, и ты, окутанный изнутри, по внутренней сфере твоего Я, этим вселенским светом уже не шуришься как самурай при свете встречных фар, а широко открытыми глазами внимаешь потокам света, которые так бледны и смешны по сравнению с бурлящим огнем творчества, которое некогда рождало звезды, а сейчас клопочет у тебя в душе...».

Мое чтение прервал звонок шефа.

— Мсье Ольежь! Мы выиграли грант!!

— О! Поздравляю...

— Вы участвуете в нем как менеджер проекта.

— Но, я...

— А значит, в течение трех дней подготовьте устав проекта, смету проекта и, пожалуй, кадровую таблицу проекта.

— А...

— А также ознакомьтесь с необходимым корпусом регламентов, обеспечивающих функционирование проекта.

— Три дня!?

— Через три дня все должно быть готово, а, следовательно, завтра предоставьте мне свои наметки для моей первичной правки. Много не нужно, мсье Ольежь, страниц тридцати-сорока вполне будет достаточно.

— Но...

— Вы правы. Послезавтра обсудим на ученом совете департамента результаты вашей работы над моими первичными правками...

— А как же...

— Безусловно, через три дня начнется основная работа. А обсуждаемый сейчас блок вопросов это лишь предварительный этап. Проект рассчитан на два года. Поэтому прикиньте, что мы напишем в отчете через эти два года. Не можем же мы вводить в науку непредсказуемый хаос? Мы должны знать, каких результатов достигнем. А посему, набросайте кратенько в форме табличек, графиков и диаграмм, каких результатов мы достигнем через год и через два года. Разумеется, не по дням и не по неделям, я против излишней бюрократизации и профанации, но ежемесячно график результатов составить надо в ближайшие два дня. Из этого следует....

Директор продолжал говорить. А Я отставил телефон, чтобы было слышно лишь журчание его речи, и стал, прихлебывая кофе, думать: до чего же у нас сложные отношения с моим парижским шефом. Впрочем, если человек — гондон, отношения с ним всегда будут натянутыми.

Я улыбнулся, заказал еще чашечку кофе и продолжил читать текст такого свободного в своем творчестве крымчанина

«... хуже всего в Ялте. Там появился новый вид воровства. Воровства строго лимитированной электроэнергии. Когда безжалостно обесточиваются больницы, школы, дома с электроплитами. Вернее, к их кабелям нелегально подключаются рестораны и элитные коттеджи... Вот, ради комфорта «жирного кота» из вип-зоны уже родильный дом оказывается лишенным выделенной ему электроэнергии. Но это слухи, однако, слухи, подтверждающиеся островками электрического света исключительно в кварталах для богатых.

Что я видел лично, так это занятия в университете без света и отопления. Студентов, сидящих без горячей пищи и кипятка в общагах. В общежитии около нуля. Помогает парафиновая свеча (которая теперь продается по цене банки тушенки). Она дает свет для чтения и тепло для мерзнувших пальцев и коченеющего лица. Я читал стихи своего приятеля Т. Синицина, но тут взревела сигнализация... Страшно, дико, пугающе. Не успел выбежать в коридор, как ее вой превратился в заунывный, слегка приглушенный визг. Оказалась, что автоматическая система пожарной сигнализации приказала долго жить, а ее электронные мозги сошли с ума от перепада напряжения и хаоса включения-выключения электричества. И вот уже четвертый час сигнализация визжит, подвывает, дребезжит, невнятно крикает и снова визжит. Визг терпим, но противен, он заунывен... не выдержав, я сбежал в город.

Ялта — пятно тьмы с отдельными островками света... Некоторые кафе закупили генераторы, и набережная украшена огоньками и гулом дизелей, перерабатывающих солярку в электрический (очень тусклый свет). Вдоль моря масса народа. Гуляют, пьют, целуются, смеются. В ночной тьме морской набережной в окружении мрачных гор, слегка светящегося моря и едва светящихся лампочек ресторанчиков — народные барды и артисты устраивают свои выступления с самодельными осветительными приборами. Вот веселые бабушки задорно поют на русском и украинском языках. Вот шоу светящихся фонариков и фэйер-шоу с натуральным огнем. А вот здесь мужик, невыносимо похожий на Розенбаума, поет песни. Он охрип. Он поет уже, судя по всему, не один час... Но зрители не отпускают его, прося продолжения. Прямо здесь у микрофона он глотает стопку водки, выкуривает сигаретку и

продолжает свой сценический подвиг на морозной, оледенелой набережной, пропитанной гулом дизель-генераторов, ароматом кофе и солярки... На ялтинской набережной в окружении тьмы, и света радости ялтинских лиц.

В начале набережной МЧС раздает кипяток и иногда пюре; можно погреться в палатке и зарядить электронику.

Я вернулся в общагу под стоны сигнализации... Но дали свет, и стало не до слухового гурманства. Я тарабаню текст и сразу загружаю его в сеть...

ДРУЗЬЯ! Нас не сломить. Пик кризиса пройден и все идет в лучшую сторону.. впрочем, боюсь, что сейчас отключат интернет, а посему, пока. Это все. Живите. Думайте. Боритесь. Радуйтесь. И наплюйте на бытовые мелочи...»

У нас опять вырубили свет. Сначала потухли огни в кафе и за витриной. Потом отключился Интернет. Потом потух мой планшетик. В последнюю очередь исчезли блики. И только тогда сквозь окно я увидел набережную моего городка и черные, жирные волны Средиземного моря в сиреневой вуали тьмы. Черные, жирные волны моего светлого и воздушного Средиземного моря. Или это всего лишь блики и отражения иной витрины, иной жизни, иного Я?

ВЛАДЫКИ ЗАПЯТУЛЕК: ТАНГО С ЦИФРАМИ

ВЛАДЫКИ ЗАПЯТУЛЕК: ТАНГО С ЦИФРАМИ [1]

«Средняя зарплата — это когда 1 человек получает 2 миллиона, а 100 других по 8000. Тогда в среднем они все получают по 27 000. А теперь простым языком: — Управители едят мясо, я — капусту. В среднем мы едим долму».

Реентинт Бенгальский

«Ваша научная разработка признана выдающимся достижением научно-запятуличной культуры! Наша, не знающая погрешностей электронно-вычислительная машина, благодаря своему непревзойденному алгоритму и выверенной математизации научности в текстах сотрудников Запятого Института подтвердила данный факт со всей актуальностью. Великолепные знаки препинания, изысканность их расположения в главах и разделах. Полная, абсолютная гармония смысла ваших знаков препинания, нет, — знаков, позволяющих восхищаться Вашей работой, — образец для Всех.

Кое-кто еще осмеливался сомневаться в научно-запятуличном прогрессе! Мол, вычислительная машина не сможет в полной мере проиндексировать научную значимость работы. И вот эти скептики — посрамлены. Вы только послушайте несколько шедевральных строк нашего дорогого друга, которые безукоризненно прошли все самые строгие проверки нашей ЭВМ: «Запятая, запятая, ТОЧКА, Запятая, двоеточие, ТОЧКА. Восклицательный знак многоточие ...»

В зале наиученейшего собрания наиученейших и сверх ученейших запятологов раздался одобрителный гул и аплодисменты.

«Но это не все, — громогласно объявил главный Запятунолог, — отныне цифровой оптимизации будут подвергнуты не только научные работы сотрудников, но и... сами сотрудники, их рабочие графики, отчеты и планы. Отныне рядом с ее величеством запятой станет ее всемогущество цифра. Уже сейчас очевидно, что количество знаков препинания, набираемых, скажем, самым младшим Запятунчиком никак не коррелирует с цифрой в его окладе и цифрой часов, проведенных телом запятунчика в стенах нашего Института. Необходимо гармонизировать и оптимизировать эту анархию корреляций!

Очевидно, что количество запятых, набираемых за день, нуждается в увеличении, цифры оклада в понижении, а часы требуют *метафизичности*! Да, да коллеги, цифры часов, проведенных в аудитории надо **МЕТАФИЗИРОВАТЬ**, и перевести в область бесконечности. Таким образом, бездушная и антипрактическая философия обретет смысл и почтение в наших глазах. А Бесконечность будет достигнута самыми младшими Запятунчиками и даже (!) Запятунчиками со степенью, уже в этом квартале, также как впервые в истории представится возможность увидеть абсолютный ноль в эмпирическом пространстве, например, в формате месячного оклада.

Сомневающиеся столкнутся со святейшим алгоритмом нашего электронно-вычислительного центра, истинными формулами расчета и могут их оспорить на конференции по высшей математике на очередном конгрессе, который пройдет через четыре года... А теперь коллеги к ЗАПЯТЫМ и ЦИФРАМ».

Неделю спустя.

— Месье! Я обязан Вам сообщить.... Эээ... Я имею честь... эээ... Я имею радостную возможность уведомить вас... ээээ... — Наш директор великолепно грассировал, но очень долго выбирал обращение к аудитории, полной сотрудников лангедоковского института. Наконец, — он продолжил, — ээээ... мы решили оптимизировать аудиторные часы и избавить Вас от излишней забюрократизированности системы. Отныне рассчитывать часы нагрузки будет великолепная программа, написанная нашими прекрасными программистами и адаптированная нашими восхитительными экономистами, — зал притих, понимая, что грядет подвох. И он наступил.

— Ээээ... как оказалось, мы не ценим наших преподавателей, перегружаем их работой... (И переплачиваем зарплату, — шепнул мне мой внутренний голос).

— Ээээ... отныне нагрузка падает. И по требованию профкома руководство института, идя навстречу желанию коллектива, одновременно с нагрузкой снимает с вас и двадцать процентов зарплаты. Месье, это коснется не всех, а только тех, кто читает дисциплины, не призванные создавать из наших студентов опытных специалистов... Например, философия сокращена втрое, социология, политология и культурология же будут сокращены вдвое.

Но, внимание! В пять раз увеличено количество часов на такие предметы как *«Организация порядка на рабочем столе в операционной системе Виндоус»*, *«Теория и практика нормализации бумажной документации на один условный рабочий день»*. Причем, — директор радостно улыбнулся, — философия становится факультативом (как и социология, и политология, впрочем, тоже), а вот для перечисленных выше практико-ориентированных дисциплин не только увеличили часы аудиторной работы, но они стали общеобязательными для всех студентов и будут читаться каждый второй семестр на протяжении всех четырех лет обучения.

Я смотрел на нашего директора и медленно бледнел. В кармане завибрировал мой коммуникатор. Я вынул его и увидел дружескую эсемежку от Луи Ришара: «Браво коллега! Самый фанатичный читатель вашего танго с запятулями, стал генератором новых подходов в нашем мире. А Вы ведь считали, что пишете бред... Зря... вы формируете новую реальность и только несколько гениев, например, директуля на сцене — это оценил в полной мере...».

По окончании общего собрания я опрометью бросился на второй этаж, в наш читальный зал. Там, в силу наличия множества книг, всегда было отсутствие студентов, а, значит, обретались: тишина и творческие круги вдохновения. Я открыл свой ноутбук и начал судорожно читать очередную главку о запятулях, неделю назад отправленную месье Ришару... Я читал и крупные капли пота выступали у меня на лбу, а экранчик ноутбука иногда пропадал и я почти физически ощущал, как открывалось какое-то окно, в котором я видел нашего ээээкающего директора.

[1] Однажды в Париже

ДИССЕРТАЦИЯ (Апрель)

«Прогресс — это движение по кругу, но все более быстрое».

Леонард Левинсон

Весь день в нашем Лангедоке лил дождь. Он изрыгал потоки воды и мелких градинок, которые вымывали начисто не только плащи прохожих, но и их души. Лица горожан были серыми, скучными, утомленными. Лично я выглядел иначе. Вчерашняя смесь сидра с коньяком и отвратительным пивным пойлом, сегодня брала свое. Меня бил озноб, лицо было необыкновенно красным, а вокруг глаз нарезали свою джангу с тенями все оттенки желто-синего спектра. К тому же в мои давно изношенные туфли проникла вода, и я чувствовал начинающуюся простуду. После восьми часов непрерывных лекционных занятий, кофе заменило мне кровь, а отсохший язык переставал повиноваться. Одним словом, я боролся с самим собой и поэтому выглядел импульсивным живчиком с лицом перезревшего вурдалака.

В этих декорациях меня нашел наш аспирант: художник, поэт, музыкант, спортсмен и немного алкоголик. Ах да, он писал диссертацию по философии, однако сформулированная им тема звучала несколько мистически: «Проблема выбора и свободной воли», а содержание текста диссертации явно свидетельствовало, что автор влюблен в догматические споры первых вселенских соборов. Одним словом, это был наш лучший аспирант, которому светило большое научное будущее, хотя наблюдая его со стороны, мне всегда казалось, что это он сам считает себя тем, что освещает будущее науки. Собственно, мы с ним и подружились на почве любви к свету будущего, поэзии, богословию и алкоголизму в умеренных дозах. Безусловно, мы увидели друг в друге истинных философов. И как люди одного круга встречались очень редко и всегда после исполнения служебных обязанностей. Но сегодня было исключение. Андре Валлантен Перро или просто — Андре Сказочник, радостно улыбаясь, ждал меня у выхода из лекционной аудитории.

— Ольежь! Три литра элитного коньяка и стихи, посвященные в твой адрес, я уже приготовил, быть может, немного маслин?

— Андре?!

— Ольежь, послезавтра я регистрирую свой диссертационный текст в философском департаменте, но мой манускрипт далек от того официоза, который от меня требуют. Я истощен. Я уже не могу ни о чем писать. Я уже запугался в этих инструкциях, регламентах и методических указаниях. Ольежь, — вот 250 страниц моей диссертации, вот Я, вот в этой сумке три литра коньяка и моя благодарность в стихах... помоги мне!

— Андре, но сделать такое за полтора дня...

— Ольежь! Нужно сделать сегодня, вернее, до завтра. До завтрашнего утра. Сейчас 20–15, завтра в 5-00 я приступлю к правкам, завтра к 20–00 я закончу и перешлю диссертацию в департамент, а послезавтра в 8-00 я либо пройду этих вампиров, либо буду изгнан из рядов науки и меня вынудят выплатить департаменту за все три года учебы... Помогите мне!

Я смотрел в его чистые глаза поэта и вспоминал свою молодость, когда был только я сам, мой текст и безжалостный научный руководитель (бывший профессиональный убийца-диверсант из элитных военных подразделений Иностранного легиона). Он лишь на склоне лет стал преподавателем философии... и отказывался понимать очень многие слова,

которые служба в диверсионных подразделениях напрочь исключила из его лексикона: «Нет времени», «Не понимаю», «Не хочу», «Помогите», «Интересно», «Чуть-чуть». Мне стало невыносимо сентиментально и немного забавно.

— Ладно, Андре. Пошли на нашу кафедру, там сейчас уже никого нет, и мы сможем спокойно вычитать твой трактат.

— Спасибо, Ольежь!

Вполне ожидаемо, в 20–00 кафедра уже была закрыта, а опухший от мерзкого курева и дешевой винной бурды сторож никак не хотел понимать, что два ученых-философа желают попасть на кафедру в научных целях. Он однозначно подозревал нас в противоестественных намерениях. Покачиваясь и противно ухмыляясь он буркнул с вопросительной интонацией: «Что и без девок?». Но услышав звякнувшие бутылки в сумке Андре Сказочника, сочувственно вздохнул и вручил ключи: «Только вы там без фанатизма» — пробурчал он уже с утвердительной интонацией и начисто стерев свою ухмылку.

На кафедре (полуподвальной камерке на 9-ти квадратных метрах, где работает пять доцентов, два профессора, один ассистент, один лаборант и имеется еще закуток нашего заведующего) мы нахально расположились в зоне профессорского стола. После первой бутылки коньяка я начал читать манускрипт Андре, вслух комментируя увиденные мною проблемы, неточности, разногласия. А в это время Андре подливал нам из второй бутылки и тщательно фиксировал на диктофон исторгаемые мною истины.

После окончания второй бутылки коньяка, около 23–00 я начал диктовать вслух целые абзацы диссертации, которые считал необходимым вставлять в текст. Аспирант задавал вопросы, провоцировал слово исторжение из моего мозга и заметно замедлил, подлив коньяка в мой стаканчик.

Страницы диссертации к 24–00 были истерзаны как кролик, попавший в пасть оголодавшей волчицы, коньяк допит, а пустые бутылки надежно спрятаны в мужском туалете. Диктофон напряженно записывал звуки, а мы с аспирантом спорили о формулировках ключевых методов текста, попивая самый что ни на есть обыкновенный чай в пакетиках. В этот момент к нам заглянул сторож и стал недоверчиво созерцать наш диспут. Ничего эдакого он не увидел и, очень раздраженный, посоветовал «Блудить словами» за пределами учебного заведения.

Мы с Андре посмотрели друг другу в глаза и решили заканчивать. Наговорено было много, мысли осели в электронных мозгах диктофона, но еще не обрели литую форму буковок в диссертации. Да. Были слова, был смысл... но не было буковок на бумажечках, а значит, реальность еще только предполагалась.

Спустя пару дней я присутствовал на публичном обсуждении диссертации. Текст выглядел монолитом, гранитной глыбой... Он имел смысл, но отдельные слова и буквы совершенно не просматривались, сливаясь в единое целое без начала и конца, без фраз и глав. Не помогала даже формальная разбивка на главы и слова. И слова и буквы, и даже параграфы с главами, безусловно, были, однако абсолютно не воспринимались таковыми. Но главное, что *диссертация была*. И соответствовала всем канонам. И кому какое дело до восприятия чего-то бы ни было, когда имеется строго регламентированный кусок кубической формы дымящегося лицемерия. Андре также был и был он попросту счастлив. Настолько счастлив, что подарил один экземпляр диссертации тому самому сторожу, сыгравшему, пожалуй, ключевую роль в создании текста о философских основаниях свободной воли. Вахтер, приняв подарок, хмыкнул и произнес: «Лучше бы вы, месье, с бабой

вечера проводили, чем бумагу марать».

Кстати, сейчас Андре, вполне успешный чиновник в городском магистрате Марсея. Имеет хоть и небольшую должность, но твердый оклад... Он прекрасно пишет акварелью, занимается велоспортом, публикует изысканные стихи и считает себя кем угодно, только не философом. А считает истинным философом того самого вахтера, а его рецензию наиболее славной из всех им полученных. Кто знает, может, он и прав. Но если тот вахтер — философ, он, Андре — поэт, то кто тогда я?

P. S. Сегодня мне заведующий сказал, что в мае пройдет публичное обсуждение диссертации, подготовленной нашим новым аспирантом по теме «Еще один аспект классического аспекта французской философии истории». Аспирант — состоявшийся мелкий чиновник образования, и ему нужна диссертация. Очевидно, также, что у него ее еще нет. Повторится ли история с тремя бутылками? Не думаю. Андре был мне друг, а этот аспирант — коллега... неужели, конверт? По крайней мере, новый аспирант впервые за полтора года стал мне жать руку и говорить «Здравствуйте»... Увидев эту сцену, наш вахтер усмехнулся, сплюнул и ушел к себе в каптерку смотреть телевизор.

КОНФЕРЕНЦИЯ (Май)

«Рост ради роста — идеология раковой клетки».

Эдуард Эбби

— Ольежь, вы должны провести научную конференцию!

— Провести?

— Ну, разумеется. Провести это означает: разработать план, согласовать с институтом, включить в план институтских мероприятий, обеспечить международное участие, отработать проведение секций, выпустить сборник тезисов, написать отчет.... В общем, просто провести обычное научное мероприятие. Вам что-то не ясно?

— А... а мне надо выиграть грант?

— Ольежь. Грант *уже* выигран. По своей заявке вы получите с него средства. Для гармоничной траты с вами будет работать комитет по тратам во главе с профессором Алексом де Шортеньи, который и будет, так сказать, тратить средства на конференцию... другими словами, самое тяжелое будете делать не Вы, а будут делать другие люди. Вы же просто проведите конференцию.

— Хорошо, а кто будет моим замом?

— Это такая славянская шутка? Конечно же, председателем программного комитета конференции будет наш всеми уважаемый глава, почетный президент нашего вуза, кавалер ордена почетного легиона мсье Филипп Рауль де Сен-Желе. Его замы будут замами оргкомитета. Директор института в Лангедоке, Ваш второй шеф — Анри Бедар будет сопредседателем организационного комитета и председателем программного комитета, его секретари будут учеными секретарями как программного, так и организационного комитетов. Я буду, куратором организационного комитета, мои замы будут замами куратора организационного комитета. Как видите — простая, ясная и чрезвычайно упрощенная структура менеджмента мероприятия с тотальным отсутствием бюрократических элементов, как и требует от нас Департамент философии.

— А я?

— А Вы, мсье, имеете честь быть членом технической группы по обеспечению работы конференции. Руководить технической группой будет наш магистрант мсье Амори Туржон...

— Ваш племянник?

— Да. Но назначен он не потому, что он мой племянник... а благодаря своим административным талантам и научным успехам.

Вот такой диалог. Чтобы его осознать, чтобы в полной мере, впитать его смысловые тени нужно знать, что наш вуз проводит ежемесячно две-три конференции. Все международного уровня. Все по грантам и с великолепными отчетами. Это дает вузу хороший заработок, прекрасные заработки — руководству оргкомитетами, а помимо них, высочайшие рейтинги — всем председателям оргкомитетов, которые оплачиваются, ну, просто таки немислимыми премиями (за каждое председательство ученый получает балы равные баллам за написание монографии). Значительно растет и рейтинг вуза, а, значит, министерство образования пропорционально рейтингу увеличивает оклад руководителям всех структурных подразделений параллельно с увеличением часов работы для рядовых

штатных сотрудников, разумеется, без повышения оклада оных.

Недавно начальство с восторгом узнало, что по философии не проводится ни одной научной конференции, а, значит, есть легальная возможность увеличить количество конференций в июне с пяти до шести.

Нимало не сумняшеся конференцию решили сделать в формате чтений с амбициозным названием: «*Первые международные философские чтения имени ТОКСАРИСА*». Имя скифского мудреца было выбрано не случайно. Он оказался настолько мелкой личностью, так мало упоминался в литературе, что никто и никогда ему не посвящал философских конференций. Но имя было красивое, респектабельно-классическое. Можно было сделать секции и по философии, и по истории, а памятуя, что он был врачом, еще и по медицине. Одним словом, великолепная возможность создания всеядной научной тусовки для поднятия рейтинга и хорошего время препровождения.

Был создан сайт конференции, разосланы информационные письма. Но заявок все равно было ужасающе мало. Тогда репрессивными методами всех студентов обязали подать по три заявки на чтения. То есть, каждый студент должен был писать по три доклада у трех разных преподавателей. Таким образом, груз докладов в количественном отношении рванул вверх, и наша заявка прошла как приоритетное направление деятельности вуза. В итоге каждый научный руководитель написал доклад своему студенту. Ибо срок был поставлен пять дней, ответственность за не сдачу тезисов вплоть до увольнения налагалась на... самих научных руководителей.

Последнюю дату приема заявок обозначили за три дня до начала конференции, чтобы все неторопливые деятели успели подать свои данные. В результате, за три дня до начала конференции пришло более 150 заявок, что на 130 заявок больше, чем в течение всего предыдущего времени (имеются в виду истинные заявки, а не студенческая «липа»).

Народ понял все верно. Май, южный берег Франции. Теплое море, ласковое солнце, молоденькие студенточки и аппетитненькие аспиранточки на пляже в купальниках стиля: «минимум миниморум», да и на секциях не очень-то все будут ходить в деловых костюмах, ведь место проведения закрытый гостинично-пляжный комплекс: «Лазурный берег+»... Кто же откажется? Другое дело убедить жен, ну, или мужей, а также выбить у руководства средства... Одним словом, успели почти все, кто хотел, только поздноватенько, ибо нужно было пройти много семейно-бюрократических рогаток. И как результат — завалили оргкомитет кипами запросов, заявок, идиотских вопросов и нахальных требований за сутки до начала конференции.

Но мы справились. Правда пришлось задержать автобусы участникам конференции, пока допечатывали тираж программ, да около 10–15 человек не попали в программку вовсе — не беда. Автобусы коллеги ожидали стойко (наша помощница демонстративно кричала в трубку: «Автоателье? Автобаза? Где автобусы? У меня 33 профессора на солнцеПЕке!?!»), — чем очень веселила всех собравшихся). А фамилии же пропущенных были вписаны от руки в уже отпечатанные программки, и подано это было, как особый авторский экземпляр в знак признательности оргкомитета 10–15 участникам, за какие-то там заслуги. Ручная работа!

На пленарном заседании утром и на фуршете вечером — состоялся аншлаг. Проведение секций было формальным, большая часть коллег занималась научными вопросами с бутылочкой вина, парочкой друзей или подруг на морском побережье в весьма фривольненьких купальниках. На мне было проведение дегустации, причем в роли сомелье

выступал — я. Сказывалось бедственное положение финансов конференции, ибо значительная часть денежных средств как-то рассосалась еще до начала научного мероприятия. Соответственно, на профессионала денег не нашлось, а никто из коллег за это братья не пожелал — не их уровень. К моменту предложения, стать сомелье, мне было, в общем-то, все равно. Прочитав пару сайтов по дегустациям и закупив в первом попавшемся магазинчике отчаянную бурду, я устроил презентацию редких авторских вин 21 века.

Во время дегустации я организовал повышенную крепость вина, яркую музыку, полусумрак, окунув в последний нескольких полуголых девиц-двоечниц с очень легким характером и очень активным телом. Ценителям вина, которые видны сразу на всякой дегустации по скептическим улыбкам и вниманию к словам сомелье, я прикупил пару бутылок хороших вин, и разлил их в отдельные, заранее мною промаркированные бокалы (такой же формы, как и остальные бокалы для простаков, но стоящие в последнем ряду и до которых масса «дегустаторов» не могла дотянуться, для меня же это было несложно ибо они стояли у того края стола где находилась моя диспозиция ведущего). Конечно, ни одной бутылки, кроме титулованных стеклянных красавиц никто не видел. Коллеги, правда, наблюдали также бокалы с вином, что могло меня выдать. Но полусумрак гасил уродливый цвет винного напитка из фабричных отходов. Обилие же духов девиц поглощал любой аромат, пардон, *запах* виноматериалов, а крепость и заманчивые сумрачные уголки с блистающими глазами отбивали вкус напрочь. Ценители лично из моих рук, получали типовой бокал, в котором было не то чтобы эталонное, но очень недурственное вино и они, цокая языком, хвалили напиток. За грандами хвалило вино и все остальное научное ста... сообщество.

Наутро царил густая тишина и тихие стоны, слегка колышающие вязкость тишины. Нет не сладострастные стоны, а мученические стоны коллег, смешавших в своих желудках редкостную бурду и заснувших в разных местах отеля только за полночь. Тогда наш штаб оперативно организовал «Здравицу Токсарису», где подал гаденькое сухое вино: кислое, вонючее, с какой-то мыльной пенкой, но крайне благосклонно воспринятое страдальцами. Завершилось мероприятие рюмкой купажа (все та же бурда, но смешанная мною ночью из остатков дегустационных виноматериалов), который даже знатоки, одобрительно кряхтя, вкушали с живостью и удовольствием.

На второй день конференции секционные заседания проходили в бунгало на пляже под холодные напитки и таблетки от головной боли. Заключительное заседание и последовавший за ним банкет собрал всех, снова состоялся аншлаг. После банкета была организована программа, где разнообразные отходы винного промысла были слиты в кувшины и размещены в зеркальном зале на белых мраморных столиках. Яркая музыка в стиле 80-ых довершала торжество стареющих тел, над разгульной неопрятностью молодых амбиций.

Наутро третьего дня часть бормочущих тел погрузили в автобусы, а наиболее крепкие участники сделали коллективное фото с красными прожилками в глазах, осунувшимися физиономиями, слегка заляпанными вином блузками и тщательно протертыми линзами очков. Некоторые профессора фотографировались в пиджаке, рубашке, галстук, при шортах и кедах, или шлепках на босу ногу. Их было легко отличить — они застенчиво прятали нижнюю часть своего тела в задних рядах за массивными крупами философий за 50-ят. Один профессор, правда, гордо щеголял в первом ряду коллективного фото своими кроссовками в компании с костюмом тройкой. Но он славился склерозом и, видимо, забыл,

что одел на ноги гламурные кроссовки своей аспиранточки, с которой провел недурственную ночь накануне. Аспиранточка была со свежим макияжем, но в очень помятом деловом костюмчике, которому явно не хватало блузки... согласитесь, футболка на ее роскошных грудях с надписью: «ДА! Они настоящие!» не очень гармонировали с дамским пиджачком, оставляющим роскошный вырез для демонстрации этой самой блузки.

Подводя итоги конференции, мы получили благодарственное письмо вуза за высокий уровень мероприятия, отличные научные достижения и за вклад в развитие мировой философии. Вышел сборник трудов, куда не включили несколько статей профессоров одного из наших южных филиалов. Они оплатили публикацию, но их тексты выбросили из макета студенты-корректоры, а деньги растворились в бюджете конференции, которым заведовал Алекс де Шортень.

Было решено сделать конференцию ежегодной, а мысль о мировой философии так крепко запала в головы моим шефам, что на следующий июнь было решено провести уже две научные конференции. Первую — Токсарис, а вот для второй придумали яркое название. Я протестовал, но ничего не получилось. Итак, в июне мы увеличиваем рейтинг и цифровую мощь наших отчетов, проведя не только второй Токсарис, но и *«Первый международный философский конгресс: Вершины мировой философской мысли»*. Мировая наука и всемирная философия, надо полагать, будут нам аплодировать стоя. А я, вот уже второй месяц, учусь на курсах молодого сомелье. Согласитесь, какая-никакая, а все-таки специальность.

СТРАХ (Июнь)

«Живущие в комнате ужасов боятся выйти из нее».

Аркадий Давидович

Страшно бывает Всем. Боится преподаватель, боится студент, даже господин Анри Бедар, директор нашего Института в Лангедоке, и то боится. Я уж и не говорю про Парижский институт. Страх это корень институтской жизни, та самая пружина, которая движет всю образовательную махину. Но страх в моем Парижском заведении и страх в южном вузе — два разных страха.

Страх Парижа — это страх перед критикой и издевкой. Он сконцентрирован в образе невысокой темненькой докторицы, главы отдела философии нашего института госпожи Кароль Лефевр. Она сделала свое имя на уничижительном раздавливании чужих текстов, слов, мнений, образа мысли. Эта хрупкая креолка с остервенением крушила любое слово, в любой форме созданное коллегами по институту. И в итоге, ее появление вызывает ужас и затыкает рты всем думающим людям. А не думающие благосклонно проходят сито дамы. Креолка знает, что философские тексты должны быть философскими, другими словами, соответствовать уже некогда написанным книгам классических авторов. В случае отсутствия такого совпадения — текст уничтожается хамством, ехидством, смехом.

Думающие, потому и думающие, что шагают вне пределов картонной коробки с книгами столетней давности, за что сразу же наказываются госпожой Лефевр. Наказываются не за то, что не понимают или не знают чего-то, а за ту легкость обращения с фолиантами прошлого, которая, разумеется, не идет ни в какое сравнение с требуемой официозом фундаментальной любви к респектабельным классикам. Но ведь:

*... Переполненная память
Топит мысли в вихре слов...
Даже критики устали
Разбирать пуды узлов.*

*Всю читательскую лигу
Опросите: кто сейчас
Перечитывает книгу,
Как когда-то... много раз?*

*Перечтите, если сотни
Быстрой очереди ждут!
Написали — значит, надо.
Уважайте всякий труд!*

*Можно ль в тысячном гареме
Всех красавиц полюбить?
Нет, нельзя. Зато со всеми
Можно мило пошалить...*

Их антиподы — *Хомо не думающие*, успешно компилируют свои тексты и зарабатывают степени. Но все они преисполнены страха. А что же скажет госпожа Лефевр? Любопытно но сама мадам и не пытается что-либо писать. Одна статья в два года, одна монография в 15 лет на тему «Вершина мировой философской мысли...», вместо многоточия очередной классик, или идея из энциклопедии.

Лефевр создала в Париже определенный стиль, ее ученики уже модные и авторитетные преподаватели, и страх становится поистине всепроникающим. Последнее достижение ее школы — проведение научной конференции: «*Вдумчивое чтение Азбуки, как философское введение к освоению Букваря и фундации философского творчества*». Одним словом, коллеги обратились к самым истокам философской мысли. И вот солидная философская «тусовка» из 19 докторов философских наук и орды преподавателей/ассистентов выдала результат: «Буковки не только надо читать, но необходимо их складывать в слова и обязательно думать над прочитанными словосочетаниями». Говорят, что Лефевр готовит солидную монографию в развитие своей оригинальной и авторской концепции: «*Читать. Думать. Читать. Читать. (К вопросу о методологии философской работы в университете)*».

На юге страх иной. Это страх не перед личностью и ее словами, а перед бездушным механизмом, имя которому: «Бюрократия». Страх перед документами, регламентами, пунктами, параграфами, буквами, таблицами, цифрами. На юге все имеет свой стандарт, свое типовое уложение, свой образец. Мысль ничто! Документ все! Монография ничто! Отчет все! Количество документов столь велико, что неизбежно нарушаешь их пункты, которые попросту противоречат друг другу. А начальственное кресло выбирает, увидеть эту ошибку или нет. Причем решает не как захочет, а тоже исходя из регламентов лишь отчасти ведомым простым смертным.

Любопытно, что в Париже, скверные личности, сами делают из себя скверных личностей. Если ты не возьмешь за идеал госпожу Лефевр, и не будешь создавать из себя именно такой типаж, то неизбежно окажешься жертвой, над которой будут глумиться все остальные, лишь в частных беседах эти остальные будут говорить: «Ну, ты же понимаешь, у меня не было выхода... Это все равно бы случилось, так что от меня ничего не зависело, а свой статус я мог потерять...» и т. д. и т. п. Страх, который как копье держат скверные личности, — это путь для роста скверности в вузе.

А вот на юге начальственные кресла сами рождают страх, дабы скверные личности не возвысились. Но скверным становится уже сам страх, ибо только страх карьерно растет, а личности карьерно же падают, как скверные, так и не очень.

Поэтому в Париже много личностей, хоть и скверных, но все-таки личностей. А вот на юге много скверного страха, а вот личностей нет вообще.

Только проработав преподавателем, я стал отчетливо видеть страх, и со временем накопил его немалую коллекцию. Да, да. Я коллекционирую страхи, а иногда и сам творю экспонаты для моей коллекции.

Есть, правда, нечто, что объединяет разнообразные страхи в вузе в единый, почти живой организм: *Тотальность* страха. Страх в вузе тотален в своей тотальности! Тотальность создается естественным путем, а вот поддерживается искусственно.

Эти мысли я не раз подтверждаю в июне, когда наступает летняя экзаменационная

сессия. Какая великолепная лаборатория страха! Сколь чисты и ярки образцы страха и каналы его распространения. Эта обстановка пьянит и поддерживает тонус наркоманов-преподавателей, не имеющих возможности отказаться от очередной дозы страха.

Я часто размышлял, слушая стоны коллег о невыносимости работы в вузе. О чем это они? Думал я? Почему бы им просто не уйти с работы? Почему бы не сменить профессию? Не хотят и не могут.

Во-первых, страх уйти из вуза. Во-вторых, страх уйти из вуза, и так до энного количества. Это даже не страх, а вселенский всепоглощающий ужас. Как будто за пределами высшей школы безвоздушное пространство, приводящее к длительной агонии и смерти. Преподаватель бьется в судорогах страха при мысли, что он может быть уволен. Я знавал многих, которые получали инфаркт, оказываясь за пределами института. Толковые, энергичные молодые люди — погибали в судорогах бледных лиц своих, уйдя из вуза. Другие опускались, превращаясь в интеллектуальное ничтожество. В вузе они пели о своей любви к Сократу и Спинозе, а выйдя из вуза на вольные хлеба, выбрасывали книги из своих квартир, забивали их алкоголем, пачками денег и, сыто отрыгивая, шурили свои заплывшие дурным жирком глазки в неге ничегонеделания.

Ты сам, сам идешь навстречу тишине и деве с головой гиены, которая и есть истинное лицо университетской схоластической философии. Наверное, поэт имел опыт похожий на мой. Кто знает? Но совершенно точно, он слушал лекции по французской литературе в Сорбонне, в респектабельной, титулованной и такой высокомерной Сорбоне.

*Я долго шел по коридорам,
Кругом, как враг, таилась тишь.
На пришлеца враждебным взором
Смотрели статуи из ниш.*

*В угрюмом сне застыли вещи,
Был странен серый полумрак,
И точно маятник злоеущий,
Звучал мой одинокий шаг.*

*И там, где глубже сумрак хмурый,
Мой взор горящий был смущен
Едва заметною фигурой
В тени столпившихся колонн.*

*Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.*

*На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шепот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!»*

*Мгновенья страшные бежали,
И наплывала полумгла,
И бледный ужас повторяли
Бесчисленные зеркала.*

Институт всполошился. Нам отменили пятилетний контракт, до завершения которого оставалось еще два года — тишина была разорвана шипящим: «Ты сам пришел сюда, ты мой!». Как нам сказали, профсоюз преподавателей сам выступил с инициативой перейти на годичный контракт, об этом же просили делегаты преподавателей, и руководство нехотя пошло на уступки. Какое свинство! Преподаватели в шоке. Они потеряли двухлетнюю индульгенцию на безделье. И теперь каждый год в июне их будут либо вышвыривать из вуза, либо оставлять еще на год.

Первые, высунув языки, метнулись к большим начальникам, к простым начальникам, а за отсутствием объекта приложения своего языка к высоким должностям, мелкой змейкой поползли к начальникам совсем маленьким. Как мне сказала уборщица туалета для начальников: «...расход туалетной бумаги там резко сократился,... нашелся аналог-заменитель...». Старушенция, в молодости воевала с бошами в отрядах маки и до сих пор свято исповедует идеи своей боевой коммунистической юности, если и не на митингах, то хотя бы в шутливых комментариях. Последнее, право, оказывается куда как более эффективным, нежели крикливые лозунги новых левых.

Вторые, либо, не имея нужной консистенции языка, либо доступа до объекта почитания, стали тихо напиваться и азартно давить студентов на экзамене, сублимируя на них свою неистраченную энергию страха.

Третьи хихикают в кулачки, ибо их мамы, папы, тети, или жены защитят своих домашних любимцев и уж они то, точно получают продление контракта.

Мне легче. Я могу не только лекции читать, но и работать на разнообразных трудовых фронтах: от политической деятельности (куда хоть и вяло, но иногда зовут), до экскурсий по южному берегу Франции (куда хоть и не зовут, но всегда примут)... да после удачного бенефиса на конференции и курса повышения квалификации я смогу работать сомелье, правда, не во Франции, а где-нибудь в Украине, или еще лучше на украинском курорте Черного моря, где качество вина оценивается тем, насколько оно сладкое, и насколько сильно бьет по мозгам.

Вот только страх не исчезает. Он меньше чем у других, его можно контролировать, но он остается... Горячие мечты, холодные слова, томление перед неизбежностью будущего и трепет о том миге, когда тебя лишат права быть преподавателем философии. Лишат твоих видений и твоих страхов, лишиться этих видений. Неужели это уже не излечимая профессиональная болезнь преподавателя философии в высшей школе?

*Из бездны ужасов и слез,
По ступеням безвестной цели,
Я восхожу к дыханью роз
И бледно-палевых камелий.
Мне жаль восторженного сна
С палящей роскошью видений;*

*Опять к позору искушений
Душа мечтой увлечена.
Едва шепнуть слова заклятий, —
И блеском озарится мгла,
Мелькнут, для плясок, для объятий,
Нагие, страстные тела...
Но умирает вызов властный
На сомкнутых устах волхва;
Пускай желанья сладострастны, —
Покорно-холодны слова!*

МЫ ЕСТЬ ТО, ЧТО МЫ ЧИТАЕМ (Июль)

«У интеллигента не биографии, а список прочитанных книг».

Осип Мандельштам

Время летнего отпуска это время напряженной работы. Изматывающей больше, чем, собственно, официальная работа. Ведь любой уважающий себя преподаватель Высшей школы летом трудится неофициально. Он читает, читает и читает, чтобы потом, после окончания отпуска принести студентам результаты своей неофициальной, а значит наиважнейшей работы. Ведь в течение года он вынужден, как лопатой, кидаящей навоз, лопатить учебники, пособия, научные статьи и прочую бумажную чушь, без которой не мыслим ученый. А вот в летний отпуск он может позволить себе свободу выбора и полет фантазии, вплетая смыслы и образы в свою душу.

Иногда я вижу людей именно как некий свитерок или гобелен, сотканные, связанные, слепленные из разных материалов.

Там шерстяная красная нить — человек напряженно и яростно горит идеей братства, наверное, он прочитал, что-либо из русских мистиков, например, Достоевского. Эта нить жжет глаза ярким красным отливом, но она греет, даже когда намокнет под ледяным дождем реальности. Она греет, но ее прикосновение к голой коже вызывает зуд и дискомфорт, раз ощутив *такое* прикосновение, вы уже не сможете его забыть.

А вот стекловата: колючая, искусственная, инородная реальность — тут человек прикоснулся к французскому репу.

Или воон там. Поглядите! Нить шелковая, измазанная медом, со вкусом дегтя и фекалий из-под больной кошечки. Липко, противно, сладко и ярко играет в лучах солнца — человек зачитывается Коэльо.

Здесь — крепкий, энергичный ароматный кусок из меха северного зверя. Эта мужская реальность, это эстетика ясности, суровости и безграничности воли. Вероятно, передо мною результат освоения Джека Лондона.

А иногда виден оплывший кусочек картона с обваливающейся позолотой и пластмассами под жемчуг — безусловно, мне явилась модная салонная поэзия.

А вот — светлый хлопок в цветочек — ну как, как же, это детские добрые книжки.

Редко, но бывает изысканный, так приятно охлаждающий в жару лен — очень может быть, что человек насыщен Сомерсетом Моэмом.

То, что постоянно мелькает перед глазами, так это хрустящее, ломкое, жгучее в жару, охлаждающее в морозы, противно наэлектризованное полотно. Синтетика Глобальной Сети.

Из таких нитей, кусочков и разлохмаченных обрывков состоят души всех тех, кого я вижу. У каждого свой рисунок, свои цвета, они колышутся, иногда мигрируют, распадаются или поглощают соседа. Что же я вплету в свой свитер или гобелен этим июлем?

У меня, лично у меня — в основе всех нитей лежит плотная поролоновая прокладка фантастики и фэнтези. Она мягкая, на все соглашающаяся, довольно однообразная, но очень технологичная. Правда, частенько, обилие поролона приводит к тепловому дискомфорту или ревматизму суставов, но куда чаще толстый поролоновый валик амортизирует выпадения реальности. Я им нередко отражаю выпадения научных оппонентов, прячусь за ним же от критики и, вообще, выставляю под первый же интеллектуальный удар противника.

Но эти июлем я ввожу массивные шерстяные нити Ф.М. Достоевского. Роман «**Подросток**», роман о власти и формировании бесстыдства. Роман о трансформации и опорочивании человеческого в человеке. Цвета этой грубой, больно кусающей голое тело шерстяной вязи: алое, пурпурное, черное и желтое. Алое — от обволакивающей правды и неискоренимой боли. Пурпур — цвет царского достоинства человека, которое даже в самых омерзительных условиях бытия, никогда полностью не исчезает... по моим ощущениям это также цвет венозной крови. Черный — не только мрак мудрости, но и глубина строгости хамства, поглощения эмоций и разума. Цвет общественной правды. Желтый цвет — прогрессирующее сумасшествие как попытка бегства Человека, спасающего самого себя. Очень глупая, очень недальновидная и трусливая... но все-таки попытка удержать человеческий облик, пусть и в сумасшедших идеях социализма.

Странная книга Юрия Петрунина «**Византийские сказки**». Очень причудливые стальные тросики, перевитые мягкими прядями шоколада и ажурно украшенные кнопками от компьютерной клавиатуры. Фантасмагория обыденности, которая приобретает по мере чтения устойчивое ощущение ложного узнавания вечных образов. Ты точно знаешь, что твое узнавание ложно, но, тем не менее, азартно вплетаешь стальные тросики логики автора в свою душу. Странное ощущение. Странная книга. Рожденная жарким климатом странного города — Евпатории.

А. Королев и А. Зенкин сотворили мега хит роботизированного гламура: «**Сверхразум, или поле битвы — тело человека**». Много стекловолокна, завитками впаянного в твердейший текстолит. Много густых, грубовато окрашенных прядей нечесаной шерсти, забавных шелковых миниатюр и простейшего некрашеного льна. Книга проста как башмаки санкюлота. Она столь же вызывающе агрессивна и правдива. Фактическая потеря человеком своего тела и любовь, исчисляемая в биткойнах — все отдает апокалипсисом, но каким-то уж очень философичным. Вселенская катастрофа захвата Интернета на фоне отсутствия проката лодок на мускульной силе в урбанизированном Подмоскovie. Мысли о теле человека как точке пересечения различных миров, и рассуждения о структуре снов у робота... Однозначно занозистый текстолит в задний проход интеллекта читателя (не путать с биологически активным и крайне опозтизированным Постмодерном задним проходом, тем самым, который вытягивают из разнообразных переделок бравые американские вояки). Почему в задний? Да потому, что парадный вход в интеллект читателя (это не тавтология, просто необходимейшее повторение для носителей фейкового сознания, мыслящих одной фразой, по завершении которой они тут же забывают все в ней сказанно-написанное) плотно завален строительным мусором мобильнутаго мира социальных сетей. Только задний и остался для входа истины.

Серия новелл под общим заглавием: «**The Last Kingdom. A novel of king Alfred the Great**». Немного льна, чуть-чуть хлопка, пару бледных шелковых нитей, странный коллаж разнообразных по форме и цвету кусочков кожи: от телячьей до свиной. Даты, Саксы... какой-то дикарь с фрейдовскими комплексами... много скачек и игр с географией. Очень мило, очень освежающе, довольно информативно и заставляет взвесить: «... а можно ли, вообще, понять прошлое, или вот так наивненько его обкорнать? Подведя шаблоны и стандарты школьных учебников антихристианского толка под колоритный холодок Темных веков раннего Средневековья?».

Вечный «**The Old Man and the Sea**». Надо признать, что строгость Хемингуэя, ощущаешь, только читая оригинал. Великая рыба, и не такой уж и великий рыбак. Поединок,

похожий на убийство. Вот только жертва, полагаю, совсем не рыба и не старик, и даже не море, а маленький добрый мальчик.

В этом месяце мне пришла блажь прочитывать «Маленького принца» на испанском. «**El Principito**». Я был поражен. Это какой-то иной принц и совсем иной Экзюпери. «*Todos los mayores han sido primero niños. (Pero pocos lo recuerdan)*». Это совсем не врезавшееся со времен юности в мою память: «Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит». До чего же переводчики меняют классические тексты! Или все дело не в переводчике, а в языке? А может быть в акценте, том самом акценте, который переполняет голову не переводчика и писателя, а читателя?

Кстати, принципиально на французском, я ничего в июле читать не стал. Зачем? Я на французском не читаю, я на нем пишу.

(Кстати, в своем завещании я указал выбить похожую эпитафию на моем надгробном памятнике. Вернее, эпитафия должна звучать так: «Он ничего не читал, он только писал». Это — правда, я никогда не читал, идя в след автору, я сам придумывал книгу, расширяя диалоги персонажей и фантазируя не существующие сцены, а, значит, я, действительно, никогда не читал, а только писал... в мыслях... в своих мыслях... иногда и на бумаге,... но ведь все эти аспекты так утомительно указывать в эпитафии).

ВЛАДЫКИ ЗАПЯТУЛЕК: Творец текстов [1] .

«Будущее это тщательно обезвреженное настоящее».

Братья Стругацкие

Я

открыла глаза и увидела перед собой табло с характеристиками персонажа. Человек. Уровень 1. Сила 4. Эротизм 3....

Аууу, — зевнул уже настоящий человек, а не извергаемый из лени автора литературный персонаж.

Конечно, если честно, то получается совсем не литературный и далеко не персонаж — думал человек, — а так, поделка для духовных мелкоросликов старше сорока и младше пятидесяти лет. Киберпанк, одним словом, или если двумя: «*Полное барахло*». Но что делать, старший оперативно уполномоченный запятунд одного из управлений **Фантастически Сумасшедшего Бю р о Запятиноида**, наследницы знаменитой **Конторы Глубокого Бурения Запятиноландии**, и по совместительству куратор, автора — бдит за этим пристально. Организация весьма серьезная, люди в ней крайне серьезные, а вот, поди ж ты, создали целый отдел по фабрикации барахловидного чтения для весьма жестко сегментированной части нашего общества.

Целевая аудитория: мужчины, старше 14-ти, и младше 50-ти лет. Образование: гуманитарное, высшее, неоконченное высшее, (либо школьники старших классов или студенты с гуманитарными наклонностями). Работа: без стремления или/и возможностей карьерного роста. Одним словом низовые управленческие звенья, либо та молодежь, которая в ближайшие 5–7 лет займет эти места. Психотип: высокий уровень впечатлительности, широкий кругозор, повышенная вживаемость в литературного персонажа, яркое воображение. Физическое состояние: деградирующее. Резюмирую, — буквально пропечатал в своих мыслях человек, — неудачники-мечтатели с солидными жировыми кругами в районе талии.

Писать что-либо оригинальное, изысканное и уникальное нам, запятундам из отдела категорически запрещается. Более того, сюжеты генерируются исключительно о попаданцах и только во втором отделе. (В третьем отделе, где работал человек, поставляемые сюжеты лишь дорабатывались и шифовались). Девиз отдела: клиент должен получать удовольствие от завышенной самооценки, критикуя «мелкость» автора и упиваясь, якобы высочайшим уровнем собственного интеллекта. Достаточно намечать сюжетные линии, создавать абрис литературного героя, а остальное доделает сознание, подсознание и иные формы мыслящей материи запятунчика, запятенка или, даже, запятинолога. Да, важна оригинальность фокуса. Скажем, если есть вампиры, то не кровососы паразитического вида, а гламурные системные администраторы, или brutальные сексуальные маньяки — актеры порно роликов.

Необычность обертки, в которое пакуется барахло, должно быть, действительно, высоким, а вот содержание нет. Тут главное, чтобы рядовой управленец-запятунчик самостоятельно генерировал эмоции, ощущения, строил и комбинировал логические связи, будучи уверен в своей уникальной исключительности. Конечно, параметры задаем мы

(второй и третий отдел, под бдительным оком своих кураторов), но читателю это знать совсем необязательно. Как и то, что весь книжный рынок этого самого киберпанка находится под нашей тотальной монополией, а работает над производством «шедевров» никак не больше 10–15 человек. Их труд передается старшему оперативно уполномоченному запятунду, далее распределяется между топовыми писателями-фантастами. Небольшая, строго контролируемая аранжировка и вот он, новый хит продаж и ряд мелких хитиков для максимального охвата аудитории.

Кстати, любопытна наивность клиентов бюро, — ухмыльнулся человек.

Выходит хит. Книжка стоимостью в 500–600 запятунок. А в сети на следующий день можно скачать ее совершенно бесплатно. И качают ведь, думая, что пиратствуя, приобщаются к свободной борьбе против книжных вурдалаков-издателей. Дети, ну, прямо-таки дети. Доступность и элемент криминальности, разогревают интерес, благодаря чему, чтиво усваивается с гораздо большей эффективностью, чем просто купленная в магазине книжка.

Нужен весь этот проект, — уверенно вел свою мысль человек, — для формирования массы занятых, энергичных людей, которые бы всю свою энергию изливали в своем же уме, в рамках тех декораций, которые им предложило Бюро. А не то велика опасность, что начнут декорации строить сами, меняя строгую классику мира Запятуноидов на хаотические многоточия. Ну, конечно, не совсем сами, однако в случае кризиса могут таких дел навертеть со своей фантазией, впечатлительностью и неудовлетворенностью, что ой, ой. Владыкам запятых точно мало не покажется. А так весь свой потенциал растратят на полную чепуху — *игру с самими собой* и, при этом, спокойненько будут выполнять ту работенку, которую им, запятуничкам (пусть и на должности запятунологов) предписано выполнять в их офисе, школе или институте. Но для этого нужны километры макулатуры...

Впрочем, существует еще один отдел — первый. Он непосредственно работает с перспективными людьми. И мне, — так сладко мечтал человек, — очень было бы любопытно там послужить. Работа с личностями, способными создавать фантазии, для еще не сформировавшихся запятуничков, для тех, которые появятся только через 20–30 лет, — вот это было бы здорово. И еще, — умилительно зевнул человек, — как здорово, что я в Бюро, что я человек и лишь по должности запятунд. Я могу быть человеком всегда, в любой момент бытия... а остальные имеют право лишь ставить запятые. И высшие звенья Владык запятых формируются из нас, из людей... из тех, кто еще способен ими быть... впрочем, пора продолжать текст

Запятулечка томно вздохнула и воплотилась в человека, начав путешествие по виртуальному миру к своему принцу. Она пока имела третий уровень эротизма, но надеялась довести его после любовной схватки со злобным монстром на шелковых простынях до 4, а если у монстра будет карликовый партнер в бородавках, то и до 6.

[1] Однажды в Париже

...

— Это был научный эксперимент в области психиатрии.... Мы решили получить Шнобелевскую премию и ради этого вложили 250 тысяч евро... Мы подумали: «А сколько надо заплатить человеку, чтобы он сам, добровольно, лишил себя разума?».

— Как оказалось, 250 тысяч евро, — подвел я ироничный итог. — Да, кто бы мог подумать, — удивлено протянул я, — что Парижская ассоциация психиатров готова выделить такие деньги на столь странный проект. Нет, все еще не верю.

— А вы пофантазируйте мой друг.

— Наверное, самостоятельная ампутация разумности интересна не только мирным колдунам в белых халатах, заботящихся о сумасшедших... но и очень практичным месье в военной форме. Эти месье сейчас активно переносят тяжесть основного военного удара со стальных танков на полях врагов в область мягкого разума все тех же врагов...

— Это становится интересным. И как же все Вами перечисленное происходит?

— Сначала неким подопечным, например философам, литераторам... одним словом, людям, обезображенным интеллектом, — я пригубил кальвадоса и продолжил, — платят деньги. Изучают их реакции и процедурные нюансы того, как человек сам лишает себя интеллекта. Изучив реакции можно разработать схему-теорию добровольного самолишения разума. Потом реализовать эту схему в массах. На данном этапе уже не надо платить деньги оперируемым, а благодаря имеющимся схемам — можно отделаться стеклянными бусами, а то и просто славными лозунгами: «Свобода! Равенство и Братство». И... вуаля... процедура извращения разума и лишения разумности самого себя запущена в локальной цивилизации врагов....

— А я подумал, — заявил, вдруг, тепло, улыбнувшись месье Ришар, — что читатель, дочитавший эту книжку до конца, вот именно, так и лишил себя разума, раздумывая над написанной бессмысленностью. Причем не получив ни евроцента, ни стеклянных бус, ни даже лозунгов. Впрочем, у него остается экстаз самомнения, мол, какой глупый автор, и какой умный я, читатель... Ведь главное в ампутации человечности или разумности это добровольность, эгоцентризм, самовозвеличивание, а уж потом — последовательность и поэтапность... Суть схемы-теории, которую вы нафантазировали, вероятно заключается в тщательном наделении разумностью того, что по определению не может быть разумным... *Придание смысла пустоте.*

— А если он хитрый читатель и начнет читать с конца?

— О-ла-ла! Значит, он лишит себя даже удовольствия придумать роман, все также, не приобретя ни евроцента, ни бус, ни лозунгов. Он потеряет экстаз открытий, и самолюбование будет ему недоступно. Он лишится трепета превосходства над Гело Шеудженико.

— А если вот так? — я принял вид политического оратора и громовым голосом, ритмичным речитативом со все более возрастающей эмоциональностью продекламировал: *«Никогда. Слышите?! Никогда! Не читайте книгу с конца!! Страшитесь последней страницы и не надейтесь на автора романа!!! Сами будьте автором, и тогда Ваша последняя страница продлится чуть больше минуты, но чуть меньше вечности, — тут мой голос упал почти до шепота, участников порохового заговора, — что, согласитесь, совсем*

не мало».

Мы немного помолчали.

— То есть, — уже нормальным тоном и, вальяжно развалившись в кресле, начал размышлять я, — если он, читатель, дочитал книгу, которую автор считает глупой бессмысленностью, значит он, читатель, сам придумал текст и сделал себе приятное... Иначе, зачем читать и думать о Запатуноиде? Но тогда весь этот проект лишается смысла... тогда получается, что единственный способ лишиться разума это... его лишиться, путем придумывания новой разумности... Поясните мне, я, что-то запугался...

В ответ на это Ришар лишь приподнял рюмку с Кальвадосом в виде поощряющего жеста, сродного с отдаением чести полупьяным сержантом на плацу перед разжалованным маршалом Петеном.

— Но потеря разума? — никак не мог уговориться я, — разве лишить себя разума и приобрести авторство это такой уж равноценный обмен? Или гипотетические военные к тому и стремятся, чтобы их враги пускали младенческие пузыри, фантазируя реальность, лишившись собственных мозгов, в то время как мозговитые благообразные месье прибирают планетку к своим рукам? Ведь мир фантазеров, мечтателей... безумных идиотов, каждый раз придумывающих реальность, а не живущих в ней, — это такой удобный материал для мирового господства... господства опытных Запатунологов, сохранивших свою человечность? Но если они все-таки люди, то значит должна быть мораль, совесть, инстинкт добра и в таком случае они даже не начнут проект... Или уже начали... оставшись людьми, но без совести, вернее, с какой-то своей совестью.... С эрзац-заменителем совести «по вкусу идентичной натуральной»? А разве такое возможно?

— Но ведь Ваша повесть идентична натуральной?

После чего Ришар бледно улыбнулся и предложил выпить кальвадоса. В этот момент я особенно почувствовал вкус айвы в кальвадосе, а вот вкус утиной печени для меня с того дня перестал существовать как факт бытия, и я просто прекратил ее есть. Странно, не правда ли?

ПРИЛОЖЕНИЕ. Краткий гендерный, экономический, политологический, историко-философский и социально-административный словарь широкоупотребительных терминов Запятауноида

«Министр Геббельс исключил Генриха Гейне из энциклопедического словаря.

Одному дана власть над словом,

другому — над словарем».

Дон Аминадо

АРХИ ЗАПЯТУНЫ — высшая инстанция, санкционирующая насилие по докладу *«Вертикального комитета запятуль»*[1]. В ряде случаев, приставка «архи» обозначает высокую командную должность.

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ЗАПЯТУЛЕК — высший орган демократии, состоит из ежегодно избираемых *запятулек* и надзирающий заввысшим органом демократии: *«Горизонтальной линейной коллегии запятунчиков»*, контролирующей качество выносимых решений этим органом.

ВЛАДЫКИ ЗАПЯТУЛЕК — высшее управленческое звено по контролю за научно-творческой активностью в наичужнейших наичужнейших заведениях.

ВЛАДЫКИ ЗАПЯТЫХ — высочайший слой (круг) управленческой элиты *Запятауноида*. Последняя ступень в должностной иерархии. По не подтвержденным слухам формируется исключительно из человек (людей).

ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ ЛИНЕЙНАЯ КОЛЛЕГИЯ ЗАПЯТУНЧИКОВ — высший орган демократии, состоит из ежегодно переизбираемых *запятунчиков* и принимающий решения по важным инцидентам в области морально-интеллектуально-социальной жизни.

ЗАПЯТЕНОК — девица-*запятунчик* с ярко выраженной эротической составляющей. Потенциальная кандидатка в *запятулечки*.

ЗАПЯТУЛЕЧКА — *запятунчик* женского рода из слоя обслуживающего персонала с ярко выраженным эротизмом, обладающей зачатками интеллекта, развитым вниманием к мелочам и повышенной эмоциональной чувствительностью (обожанием) к своему непосредственному начальнику.

ЗАПЯТУЛЬКИ — глобальная масса ответственных *запятунчиков*, чья роль — внимательно следить за качеством научно-творческого продукта. Также наименование бюрократической должности низшего управленческого звена в Наичужнейших и Наичужнейших заведениях. В организациях, как правило, *запятулек* женского пола доминирующее количество (особ мужского пола не более 10 процентов). Тогда как по *Запятауноиду* в целом пропорция составляет 60 процентов женщин, 40 процентов мужчин. Но, при этом, высшие управляющие посты состоят из 10 процентов женщин и 90 процентов мужчин.

ЗАПЯТУНД — работник секретных служб *Запятауноида*.

ЗАПЯТУНКА — Денежная единица. 30 запятунок стоит буханка хлеба, 600 запятунок стоит книга, 3 тысячи — билет на шоу, 100 тысяч — подержанный автомобиль. Средняя зарплата 20 тысяч запятунок.

ЗАПЯТУНОИД — духовный мир. Пространство мысли, нравственности и социальных связей. Единственно истинная реальность для тотального населения *Запятауноландии*.

ЗАПЯТУНОЛАНДИЯ — Физический мир, в пространстве которого происходит действие романа. Также это название планеты, имеющей один континент с единственным государством, аналогичным по названию. Запятауноландия имеет исключительно географическое измерение и ни в коем случае не имеет отношения к жизни ее обитателей как таковой. Населяющие Запятауноландию существа воспринимают окружающую физическую реальность бытия своих тел как данность и не рефлексируют над ней вовсе. Исключение составляет небольшой круг *людей* и высших чиновников из ряда специальных служб и секретных государственных структур.

ЗАПЯТУНОЛОГ — среднее управляющее звено *Запятауноида*, склонное к морализаторству, софистике, но не имеющее, или активно подавляющее орган тела, отвечающий за самостоятельность мышления и ответственность за личные поступки.

ЗАПЯТУНЧИК — рядовой житель *Запятауноида* как мужского, так и женского рода. Также название младших должностей в иерархии различных учреждений.

ЗАПЯТУНЫ — должностные лица разнообразных уровней управления, начиная со среднего, в разнообразных иерархиях. Также обозначение высоконравственного, авторитетного и успешного гражданина *Запятауноида*.

ЛИНЕЙНАЯ КОЛЛЕГИЯ ЗАПЯТУНЧИКОВ Судебно-исполнительный и карательный орган демократии *Запятауноида*, он состоит из *Горизонтальной коллегии Запятаунчиков* и *Вертикального комитета Запятаулек*. В точке пересечения полномочий указанных органов оказывается фокус истинно-демократической власти, который ряд диссидентов именуется «Прицельной сеткой». Решение считается легитимным только при условии полного **единодушного** решения (даже при наличии **разногласий**) вертикали и горизонтали демократии.

СТАРШИЙ ОПЕРАТИВНО УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ЗАПЯТУНД — должность секретной службы *Фантастически Сумасшедшего Бюро Запятауноида*, где ключевым является термин «*Запятаунд*». Последний означает, что носитель звания — работник секретных служб. «Старший» — обозначает ранг в иерархии (Самый младший, Младший, Старший, Самый старший, Архи самый старший, Абсолют). «Оперативный уполномоченный» — функционал носителя звания (наблюдатель, ликвидатор, анализатор и т. д.). В данном случае речь идет о должности, которая контролирует деятельность большей части функционалов определенного отдела ФаСБюЗа.

ФАНТАСТИЧЕСКИ СУМАШЕДШЕЕ БЮРО ЗАПЯТУНОИДА (ФаСБюЗ) — секретная государственная служба, осуществляющая контроль за преступлениями, еще не совершенными, но могущими совершиться в ближайшие 20–30 лет.

ЧЕЛОВЕК (ЛЮДИ) — небольшая, строго локализованная группа жителей Запятауноландии, как правило, либо сотрудники *Фантастически Сумасшедшего Бюро Запятауноида*, либо пациенты закрытых психиатрических лечебниц. Физиологически ничем неотличимы от граждан *Запятауноида*. За исключением (с точки зрения официальной

наинаучнейшей мысли Запятуноида) мутировавшего органа сочинительства. Люди (Люди) склонны к свободному творчеству, активному обмену идеями и точками зрения. По некоторым слухам именно из людей формируется социальный слой — *Владык Запятых*.

Таблица сравнительной иерархии в/на Запятуноиде Ранг ФаСБюЗ Наинаучнейшее и наиучебнейшее заведение Запятуноид

1	Кандидат в Бюро	Самый младший запятугчик	Запятунчик	2	Запятунчик без степени	/	Запятулечка	Запятенок	3	Самый младший Запятунчик со степенью	/	Запятулька	Запятулечка	4	Младший Запятун без степени	Запятулька	5	Старший Запятун со степенью	Запятун	6	Самый старший Запятунолог	Запятунолог	7	Архи самый старший	Архи	8	Абсолют Владыки Запятулек	Владыки Запятулек	Владыки Запятых

[1] Термин, выделенный курсивом, термин раскрывается в данном словаре.

По ту сторону философской кафедры

Кто такие учителя философии? Это одухотворенные чудачки, фанатично влюбленные в мудрость или скучные клерки, готовые всю жизнь проводить в рутине, оказывая преподавательские услуги за скромное, но стабильное жалование? Какими радостями и тревогами живет нынешний философ, который призван стать одновременно Учителем и Ученым? Можно ли запланировать научное открытие или написать монотонное методическое руководство о тайне творческого познания? Как следует коллекционировать "жемчужины" студенческих ответов, не забывая сеять прекрасное, доброе, вечное? ...

Подобные вопросы иносказательно и пытается раскрыть автор оригинальной, местами сюрреалистической повести. Перед вами книга, в которой метко соединяются: частные приключения и философские аллюзии, профессиональный юмор и подробное знание дела. Перед нами весьма удачная попытка фиксации той самой жизни, которая плавно протекает по ту сторону философской кафедры. Сама канва сюжета раскачивается, словно потусторонний маятник должного и сущего в бытии простых преподавателей философии. Олегу Шевченко, автору настоящей книги сложно не поверить. Он знает проблему "изнутри". Ведь сам он кандидат философских наук, доцент, преподаватель с многолетним стажем, участник бесчисленного количества философских конференций.

Юг Крыма или экзотическое Средиземноморье... Так уж ли важно, где происходят события, которые универсальны в эпоху тотального глобализма и торжества бюрократии, хозяйничающей даже в учебных аудиториях высшей школы? Рваная композиция текста повторяет календарный цикл одного года из жизни философов. Автору удалось смахнуть пелену "нафталина", пробудить интерес к актуальной и живой теме. Думается, что эта занимательная повесть увлечет не только коллег по преподавательскому цеху любомудров и остепененных мудрологов. Авторское чувство юмора и здравый смысл помогут преодолеть мнимые и реальные профессиональные кошмары. Уверен, что перед вами текст, который станет интересным для широкого круга читателей.

Тихон Синицын, член союза писателей России.